

Александр Матюхин

Контора

Причинения Добра

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Матюхин

Контора Причинения Добра

<https://litres.ru/74144759>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы – пехота. Там, где уголовный розыск не справляется, привлекают нас.

Мы ищем и обезвреживаем самых отпетых, самых отморозенных и самых жестоких потусторонних тварей, которым удалось просочиться сквозь разрывы в швах реальности в наш мир.

Когда в Петербурге появляется очередной серийный убийца, прячущий тела в разломах между мирами, когда неведомый Интегратор подкупает бомжей, чтобы те приносили ему трупы для запечатывания реальности, когда аномальная сущность загоняет свои жертвы в типовые хрущевки, являющиеся временными ловушками – тогда появляемся мы и наводим порядок.

Ну, как получится.

Устроившаяся на работу в Контору двадцатилетняя Валя, мечтающая открыть свой книжный на Фонтанке, даже не подозревала, во что вляпалась. Шаг за шагом она погружается

в работу, полную приключений, страхов, бюрократии, чёрного юмора и цинизма.

Пять глав. Пять историй. Хоррор с элементами киберпанка. Мы предупредили.

Содержание

1. Дайте монеточку	5
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Матюхин

Контора

Причинения Добра

1. Дайте монеточку

#1

– Дайте монеточку! На дорогу не хватает.

Ваня видел эту девушку утром, когда спускался в метро, и вот сейчас заметил вновь, на выходе. Цеплялась ко всем, хватала за руки. С виду обычная двадцатилетка: волосы вразброс, в носу колечко, как сейчас модно; светленькая, на ногах "Конверсы", на плече шоппер. Вроде бы ничего такого, но вот голос... у нее был сиплый, прокуренный голос старухи. В памяти сразу всплывали образы пропитых дам, которые лет пятнадцать назад толкались тут у «Просвета» и продавали на размокших картонках кто семечки, кто поштучные сигареты, кто разливной самогон, не стесняясь. Иные из них неизменно были пьяны. Другие, завернувшись в потрёпанные платки, смотрели на прохожих полным тоски взглядом, будто уже давно поняли всё в этой жизни. Да они и поняли, чего рассуждать. В те времена маленький Ваня старал-

ся возле них не останавливаться. Ему казалось, что такая вот старушка схватит его, запихнет в клетчатую сумку и утащит к себе в алкашное логово. Мама всегда так и говорила: алкашное логово. Ваня представлял заброшенный гараж, обвешанный коврами, для звукоизоляции, где жутко пахло блевотиной и мочой, а на полу валялись пустые бутылки впере-мешку с останками таких мальчиков, как он.

Ваня бы прошёл мимо, перескакивая по привычке через две ступеньки, и забыл о девушке через минуту, но она вдруг ловко ухватила его за локоть и повторила, дыхнув ароматом дешёвых сигарет:

– Монеточки на дорогу не хватает. Не пожалей, а? Красивую нужно!

И Ваня растерялся. Как рыба, выдернутая из воды на прибрежный песок. У девушки взгляд был тяжёлый, неуютный, из прошлого. Он не шёл её образу. И возле нее не хотелось останавливаться, чтобы не угодить в логово.

– У меня нет налички, – пробормотал он. – Карточка только.

– А принесешь какую-нибудь? Не жалко? – девушка смотрела снизу вверх, была она мелкой, костлявой, с вытянутым лицом, но держала так цепко, что даже сквозь куртку Ваня чувствовал её пальцы. – Одну монеточку, хорошо? Не обязательно самую лучшую.

– Обязательно принесу, – извинительным тоном пообещал Ваня, пытаясь вырваться. – Завтра же!

– Все вы так говорите. Потом не возвращаетесь. Ни один ещё не вернулся с монеточкой.

Она отцепилась и тут же переключила внимание на какого-то другого прохожего.

Ваня же выскочил на свежий воздух и, спрятавшись под козырьком остановки, минут пятнадцать не мог отдышаться.

Это не могло быть совпадением.

Пропустив несколько нужных автобусов, Ваня опёрся о столб, пялился на выход из метро и ждал появления странной малолетки.

Вот и она. Шоппер на худеньком плече. Кончики волос окрашены в фиолетовый. Прицепилась к прохожему, клянча деньги. Интересно, тоже просит монеточку или банальный полтинник на дорогу?

Потом поплелась от метро в сторону проспекта Непокорённых, втянув голову в плечи и словно прячась от назойливого солнца, которое, несмотря на сентябрь, прилично прожаривало Петербург.

Когда девушку едва стало видно, Ваня отклеился от столба и неторопливо направился за ней.

Растерянность сменилась привычным чувством: это было чувство охотника, который, наконец, выследил добычу. Ещё одна жертва.

Он нашупал в кармане джинсов ледяной кругляш, который неизменно носил с собой, и сжал в кулаке. Монеточка давала силу. Монеточка давала Ване цель в жизни.

И возможность расплатиться с долгом.

Ваня почувствовал силу сразу же, когда увидел самую первую монеточку, лежащую на морщинистой ладони Варвары Васильевны, соседки по этажу.

Полгода назад это было.

В целом, если разобраться, произошло удивительное стечение обстоятельств. В район «Площади Мужества» где проходило Ванино детство, он заезжал редко. Прежде всего тяготило общение с родителями. Отец постоянно находился в подпитии, от него несло перегаром и ядреной смесью соленых огурчиков и дешевых сигарет, он был словоохотлив, но общался с этаком иронично-ядовитом стилем, то есть постоянно шутил над Ваниной работой, внешностью, личной жизнью, не упуская случая бросить укол в сторону неудавшегося Ваниного брака и акцентируя внимание на том, что Ваня не пьёт – а от этого, стало быть, все беды и есть.

Мама же, хоть и была тихоней и вечно забитой женщиной, если вдруг начинала говорить, то неизменно вываливала на Ваню все проблемы, как актуальные, так и давно похороненные под тяжестью лет, а то и вовсе выдуманные. Один раз Ваня два часа слушал историю про голод в деревне в двадцатые годы прошлого столетия. Мама щедро сыпала воспоминаниями про какого-то ободранного пса, за которым они с братом Кириллом охотились несколько ночей подряд, чтобы сожрать, да так и не поймали, но зато обнаружили у соседа

через два двора тайник с мешком картошки. Брат Кирилл у мамы действительно был, и он так удачно вплелся в фантазию, что Ваня дослушал до конца, прежде чем объяснить маме, что у неё снова помутнение, и никакой голод в деревне сто лет назад она застать не могла. Папа же, ядовито посмеиваясь, замечал: «Просто она у нас с кукухой набекрень! Ты, сына, к этому своему психиатру тоже сходи, вдруг у тебя проявится? Хотя откуда. Ты ж не наш, дурень»

В общем, атмосфера в родительской квартире была та ещё, поэтому Ваня если и заглядывал, то либо по каким-то неотложным делам, либо когда проезжал мимо и вдруг испытывал некие сыновьи чувства, вроде стыда за редкое общение или долга перед родственниками за то, что когда-то давно забрали его из детского дома.

В тот день накатило что-то подобное, необъяснимое, и он, пересев в метро с привычного маршрута, вышел на «Площади Мужества» и побрел вдоль трамвайных путей к дому. Ваня всегда заходил без предупреждения: родители редко куда уходили. Отец вообще словно прирос к табурету у стола в кухне много лет назад.

Погредев ключами, Ваня зашел в квартиру, направился по узкому захламленному коридору и внезапно обнаружил в гостиной два гроба.

Крышки были сняты. Благоухало подвядшими цветами, расставленными в трехлитровых банках с мутноватой водой по периметру гостиной. Запах смешивался с ароматом за-

жжённых свечей и разбросанных вокруг гроба веток мимоз. Разглядывая их, Ваня вспомнил, что скоро восьмое марта, а в последний раз он дарил маме что-то на восьмое марта много лет назад. Наверное, ещё в старших классах.

Накрыло ощущение нереальности. Ваня словно нырнул в одну из этих трехлитровых банок, и мир приобрёл плавающие, густые очертания. Подойдя к гробу, Ваня увидел маму. На живую себя она не была похожа – из неё сделали почти что красавицу, убрав лиловые мешки под глазами, пропойные отёки и надев густой светлый парик. Даже пахла она не так, как при жизни, а вкусно. К такой маме хотелось прижаться под бок, и тихонько засыпать, чтоб сны снились спокойные и красивые.

Папа тоже не был похож на себя. Последние годы он существовал в вечной застиранной майке да в трениках, как бы подчёркивая излишнюю худобу и костлявость, а тут его нарядили в красивый, но потёртый костюм с белой рубашкой и галстуком, от чего папа стал выглядеть представительно, словно чиновник средней руки. Портили картинку впалые щёки и провалившиеся глаза, от чего казалось, что под веками пустота. Из приоткрытого рта почему-то торчал серый кончик языка.

Ваня разглядывал родителей некоторое время, пытаюсь уложить в голове происходящее. Это был не сон, не временное помутнение, а словно бы другая реальность, в которую он случайно проник, сам того не заметив. Когда? На выходе

из метро? По дороге к дому? В тесном лифте, заунывно грочущем на каждом этаже?

Осторожно дотронувшись ладонью до маминого лица, Ваня обнаружил, что оно холодное и гладкое, словно натёртое воском. А ещё обнаружил, что на коже после прикосновения остался глубокий лиловый отпечаток.

Скрипнула входная дверь. В квартиру зашла Варвара Васильевна, соседка. Ваня видел её редко и помнил, в основном, из детских впечатлений. Уже тогда пожилая Варвара Васильевна гоняла его мокрым полотенцем по спине, чтобы не шумел с друзьями на лестничном пролёте, да как-то просила помочь донести до квартиры тяжелые пакеты. Когда же Ваня съехал, их общение сократилось до вежливых кивков друг другу, не более. Была это женщина пожилая, но ещё не старая, ходила в цветастом халате, с бигуди на всю голову и постоянно красила губы так ярко, словно ждала за углом лучшего мужчину на свете. Бигуди и сейчас были на месте, но волос, на которых они держались, поубавилось.

– Так и знала, что ты здесь, – Варвара Васильевна тяжело облокотилась о дверной косяк, загородив проход. – Чуешь, да? На подсознанке.

– Чую что? – спросил Ваня.

– Умерли, видишь же! – ответила Варвара Васильевна, не выразив никакого удивления, и почему-то облизнула блестящие от помады губы. – Надо, чтобы в последний раз. Запечатать.

Ваня ни черта не понял. Варвара Васильевна ухмыльнулась и пояснила:

– Они воскресают. Как в фильмах. Последний раз было в две тысячи третьем. Я заглянула за солью и обнаружила обоних. Лежали в блевотине, желтолицые, обоссанные. Траванулись самогоном. Ох, хлопот тогда было. Представь, официально похоронить нельзя, а традиции соблюсти надо! Куда бежать, кому звонить? Хрен упомнишь. Я тогда все блокноты с телефонами перерыла, прежде чем нужных людей нашла. Тебе хорошо, ты за городом у бабушки тусовался... Я думала, что они больше не вернуться, а они, представь, постучались в полночь, ключи от своей квартиры попросили. У бати твоего один глаз вывалился от давления, еле на место вставили потом. А мать волком выла. Устали, говорит, раз за разом эту дурацкую жизнь проживать. Вымотались. Батя твой даже проговорился, что тот палёный самогон специально купил, в надежде, что их никто не спохватится. Он же не знал, что возвращается при любом раскладе, хоть с вывернутыми наружу органами, хоть с дырой в животе или сожжённый до угольков. Регенерируются стремительно, обрастают реальностью. А мать твоя, короче, ко мне пришла через несколько дней и монеточки выпрашивала. Я её еле уговорила ради тебя пожить лет двадцать хотя бы. Чего парня без родителей оставлять, да? Вот они и жили, как могли. Потихоньку с ума сошли...

– Что вы такое говорите? – перебил Ваня. Соседка словно

переняла мамину манеру монотонно бубнить что-то несвязное, неудержимо льющееся из недр помутневшего старческого сознания.

Варвара Васильевна заткнулась и внимательно посмотрела на Ваню. Взгляд у неё был не помутневший. Чистый взгляд.

– Мне не сообщили, что они умерли, – продолжил Ваня, обхватив руками голову. – Кто похороны организывает?

– Ты давно родителям звонил-то? – спросила Варвара Васильевна хмуро.

– Пару недель назад. Наверное.

– Ну вот и ответ. Прикинь, если бы я не в курсе была. Лежали бы тут и воняли до твоего прихода. Все этажи бы протухли, хрен выветришь потом.

– Как это вообще возможно? – всё ещё не верил Ваня.

– В этот раз не самогон, – ответила Варвара Васильевна. – Таблетки. Мамка твоя сама сожрала две горсти, и бате твоему в рот запихала. Я их обнаружила вчера вечером, когда пришла «Поле Чудес» смотреть. Если тебе так легче, меня в этот раз они тоже не предупредили. Видать, депрессия окончательно накатила. Ну а что? Уговор был тебя вырастить, а после жить незачем. Возвращаться как бы тоже. Повозиться пришлось, конечно. Оттирала тут всё до рассвета. Гробы привезли, мимозы, свечи. Молилась, чтобы никто раньше времени не заметил, а то бы полицию вызвали. Вечером ритуал.

– Какой ритуал?

– Какой-какой, обычный. Сейчас с этим проще, по подписке. Приедут, заберут, положат в хорошем месте. Главное запечатать как следует.

Она достала из кармана что-то, протянула на раскрытой ладони.

Две монеточки. Одинаково тусклые, желтые и зеленоватые по краям. В центре каждой выпуклое изображение какого-то то ли императора, то ли царя. Крючковатый нос. Держава и скипетр. Буковки непонятные.

– А вот это уже тебе. Держи, милый. В гроб положи обязательно. Чтобы не вернулись.

– Не вернулись кто?

– Родители твои, дурень. Я же говорю, не хотят больше жить никогда. Попросили запечатать их там, куда отправились. Задолбались возвращаться.

Ваня разглядывал монеточки. Что-то в них привлекало. Завораживало. Он осторожно взял одну и повертел в пальцах. Блик света отразился от поверхности. Монеточка была тёплой и почти невесомой. А ещё, глядя на неё, Ваня вдруг понял, что Варвара Васильевна говорит правду. Странную правду.

– А куда они отправились и откуда возвращались?

Варвара Васильевна тяжело вздохнула:

– Объяснять тебе что-то я точно не рассчитывала, милый. Из другого мира. Миров знаешь сколько? Бесчисленное мно-

жество, и все они скреплены невидимыми швами. То тут, то там. Как покрывало из множества лоскутов. Иногда швы рвутся, и через эти разрывы можно проникнуть из одного места в другое. Если повезет, тебя не заметят. А можно вообще легализоваться. Так вот родители твои выбрались, жили здесь среди людей, а после смерти, как выяснилось, могли воскрешаться. Только им это через пару сотен лет надоело, вот они и заключили договор, чтобы после очередной смерти их запечатали. Не позволили больше воскреснуть, понял?

– Что за договор?

Варвара Васильевна снова тяжело вздохнула:

– Всё тебе покажи, да расскажи. Не знаю я. У меня контакты есть, телефоны, расписки. Фирмочка тут одна есть, которая организывает ритуал. И там же мелким шрифтом было указано, что есть такая услуга по запечатыванию. Запрет на воскрешение, то есть.

– При помощи монеточки?

– Ну хоть тут соображаешь. Главное, в гробы положить не забудь, когда люди за ними придут, понял? А то родители вернутся, штраф придётся платить. А штраф там такой, что тебе жизни не хватит расплатиться.

– Расплатиться? Как? Деньгами?

– Неа. Отрабатывать придётся. То тут, то там, – туманно ответила старушка.

Взгляд у неё сделался косой и безумный, как у попрошаек в переходах, но Ваня поверил всем её словам. Вот так сразу

и безоговорочно.

– Хорошо, положу, – пообещал Ваня. – А вы об этом как узнали-то?

– Давно здесь живу, насквозь людей вижу, – хмыкнула Варвара Васильевна. – Не ссы, короче. Если что, обращайся. Квартирка-то на тебя остаётся, прибраться надо, оформить и всё такое. Помогу.

Она ушла, а Ваня остаток дня носил монеточки в руке, разглядывая. Пытался понять, что же его в них притягивает. Это как с Кольцом Всевластия что ли? Додумался сфотографировать, загрузил в разные нейронки, но ни одна не выдала ничего внятного. Обычные поисковики тоже не справлялись. Монеточки определялись то, как николаевские импералы, то как римские ауреусы, то как фанатские поделки из какой-то детской игры-страшилки. Ваня провозился с ними несколько часов, забыв о времени.

Ближе к вечеру в дверь позвонили. На пороге стояло четверо мужчин, одинаковых на лица из-за аккуратных чёрных бородок и лысых голов. Одеты в костюмы, как какие-то агенты из кино. Не хватало только чёрных очков.

– Здесь по договору? – спросил один, сверяясь с телефоном.

– А вы агенты Смиты? – сострил Ваня.

– Шутка состарилась в девяносто девятом. Это сто сорок седьмая квартира или как?

Ваня молча посторонился. Четверо прошли в гостиную,

выдернули из банок цветы, собрали свечи и кусты мимоз, запихнули всё это добро в мусорные мешки. Двое подняли крышки гробов и в короткой многозначительной паузе прожгли Ваню взглядами.

А Ваня решил вдруг, что класть монеточки не хочет, потому что он ещё не посмотрелся, не понял их тайны. Вместо монеточек вложил маме в мёртвую ладонь иконку и перекрестил лоб. Четверо мужчин ничего лишнего не сказали и без суеты накрыли крышки. Ване предоставили документы на подпись в двух экземплярах. Степлером прикрепили визитку.

С тем гробы и унесли.

Оставшись в пустой квартире, из которой уехал много лет назад, Ваня обнаружил, как же здесь на самом деле тихо.

Следующие два дня он искал информацию. Сфотографировал монеточку с разных ракурсов, залил фото в интернет, перерыл кучу форумов и сайтов. Статьей было немного. Что-то про редкую чеканку начала семнадцатого века, времен правления Бориса Годунова. Монеточек отчеканили немного, за ними охотились коллекционеры, а на нескольких сайтах за такие же, какие оказались у Вани, предлагали несколько миллионов.

На эти деньги Ваня мог спокойно купить себе квартиру где-нибудь на Петроградке, в богатом районе Петербурга, но почему-то эта информация его не взволновала.

Как-то он наткнулся на крохотную заметку, почти затерявшуюся среди статей об инопланетянах, Атлантиде, третьем глазе и астрологии. Неизвестный автор выложил фото похожей монеточки (только была она без зеленых разводов и почти затёртая) и сообщил, что это чеканка Нижегородского колдуна Власия, который был подвержен видениям и предсказывал скорую гибель всего поддельного Света. Что бы это ни значило. Якобы Тьма падёт на сотканые миры, и только владельцы монеточек будут видеть Путь, которым может пройти человек до правильного Света, именуемого в летописи Подлинником.

Заметка, в общем, мало чем отличалась от сотен подобных на разных конспирологических сайтах, но она откликнулась в душе Вани – прежде всего тем, что он чувствовал силу монеточек, таскал с собой везде и постоянно желал разглядывать и ощупывать. Холодная под подушечками пальцев, монеточка быстро теплела и как будто передавал невидимую энергию, резонирующую с внутренней энергией Вани.

Все эти дни Ваня оставался ночевать в пустой квартире родителей, убирая сокровища под подушку и то и дело касаясь их во сне пальцами. С Варварой Васильевной, встретившись как-то на лестничном пролете, бестолково поздоровался и старался взглядом не пересекаться.

На «Авито» Ваня наткнулся на объявление. Кто-то продавал монеточку за смешные семьсот рублей. Ваня тут же связался с продавцом и договорился о встрече.

Нервный лысоватый старик встретил его у метро «Кировский завод».

– Отойдёте в дома, – предложил он, дёргая шейей. – Тут людей много.

– А что за таинственность?

Старик внимательно посмотрел на Ваню:

– Вы же в курсе. По взгляду вижу.

– Не понимаю. – Ване стало любопытно.

Старик направился к старым домам неподалёку. Там, в узкой улочке, людей почти не было, только нависали большие окна старых коммуналок и тусклые фонари. Где-то играло радио, причём довоенный вальс. Мелодия пульсировала от окна к окну.

– Всё вы понимаете, – говорил старик на ходу. – Я продаю вам не редкую монетку, а Цель. Пока вы не достигните с её помощью Цели, вы не упокоитесь.

Они остановились в глухом тупике, где стояли мусорные баки. Старик протянул монеточку в запотевшем целлофане. Ладонь его дрожала. Тут только Ваня понял, что старик, судя по всему, был сильно пьян.

– А что за Цель?

Монеточка была настоящая. Ваня сразу почувствовал. Только выглядела сильно новее, чем его.

– Человечка запечатать по договору, – старик неторопливо взмахнул ладонью. – Вы что, ещё ни разу не запечатывали? Повезло. Тогда забирайте, и разойдёмся, пока никто не

увидел. Я свой договор разорву и смогаюсь нафиг на юг, на Кавказ. В горы, где сеть не ловит.

Ваня торопливо сгрёб монеточку, затолкал её в задний карман и протянул старику деньги.

– Осторожнее, – посоветовал старик, прежде чем уйти. – Затягивает. Я восьмерых запечатал в восьмидесятых, и чуть с ума не сошел. Еле остановился. А договор до сих пор действует.

Вернувшись в квартиру к родителям, Ваня первым делом осторожно обмыл монеточку под холодной проточной водой. Она заблестела, как новая. На ребре монетки – именуемым гуртом – были высечены крохотные символы, понять которые Ваня не мог. Он тщательно сфотографировал каждый символ, искал в интернете и обнаружил несурязицу. Символы либо не находились, либо представляли разрозненные понятия, типа «Толпа», «Виноград», «Игла» или «Узел» – причём сами символы относились то к египетским рисункам ещё дохристианской эпохи, то к относительно современным шифровальным наборам времён Второй Мировой.

Сомнений, что монеточка настоящая, в том смысле, что внутри содержится таинственная древняя сила, как и двух монеточках от Варвары Васильевны, у Вани не было. Но если она была отчеканена недавно (да хотя бы сто лет назад!), то какой смысл несла в себе? Кто её создал? А главное – значило ли это, что чеканкой монет занимались до сих пор?

Выложив все три в ряд, Ваня вспомнил словечко «запеча-

тать», но дальше образа бутылки вина с залитым сургучом горлышком, ничего представить толком не смог.

Он долго не мог уснуть, ворочался, нащупывал под подушкой монетки, а среди ночи вдруг услышал, как сухо щелкнул замок и открылась дверь. В квартиру кто-то вошёл.

Полоска жёлтого света растеклась под дверью. Несколько раз что-то тяжело стукнулось, будто падала обувь. Босые ноги прошлепали вглубь квартиры. В ванной заработал кран.

Варвара Васильевна? У неё был ключ, и она запросто могла прийти сюда, думая, что квартира пуста. Вот только зачем?

Ваня лежал в кровати, вцепившись в одеяло. Он почувствовал тонкий сладковатый запах, проникший из коридора в комнату. Такой запах был у прогнившего мяса или давно испортившейся картошки.

Вспомнились слова про воскрешающихся мертвецов.

А ведь монетки в гроб Ваня так и не положил.

Неизвестные, между тем, щелкнули выключателем на кухне и загремели посудой.

Зазвенели стаканы. Хлопнула дверца холодильника.

– Шорти што! – сказал кто-то глухо, словно рот был чем-то набит.

По полу снова зашлепали босые ноги. Кто-то шел в сторону комнаты, которая раньше была спальней родителей. Воздух всколыхнулся, добавив густоты и гнилостных ароматов, от которых свело желудок. Дверь открылась, и Ваня увидел

на пороге невысокий силуэт матери, контрастно освещенный лампой из коридора.

Мать была обнажена и мертва. Причем, Ваня отметил для себя именно такую последовательность: сначала увидел обвисшие высохшие груди с чёрными сосками, потом впалый живот, дыру в пупке и кривой раздувшийся шрам. Опускать взгляд Ваня не решился.

А потом понял, что у матери нет глаз и век, только чёрные глазницы, набитые землёй. Щеки порвались, сквозь них проступали зубы. Волос не осталось, череп был неровен и покрыт клочьями кожи. В левой руке мать держала иконку.

Мать напрягла надорванные мышцы шеи, выталкивая из себя сильные слова:

– Куш-штъ пш-шли.

Между зубов вывалился разбухший серый язык. Мать развернулась и исчезла в коридоре, шаркая.

Страх неожиданно прошел. Ваня рефлекторно подскочил, накинул одежду, выбежал в кухню. За столом сидели мёртвые родители. Всего за два дня отец разложился очень сильно, в нём не осталось почти ничего узнаваемого, кроме клочьев некогда рыжих волос, части лица и массивной печати на безымянном пальце левой руки. Истлевшая одежда висела лоскутами на иссохших плечах. В глазницах и между рёбер копошились черви, падающие на белую скатерть.

Как они успели так быстро-то?

От едкого запаха Ване стало дурно. Он застыл на пороге,

разглядывая удивительную картину: мама наливала в кружку кипяток из чайника. Отец же давил костяшками пальцев червей и размазывал их по скатерти.

На включенной плите стояла кастрюля, набитая замороженными пельменями без воды.

Сразу же вспомнились слова Варвары Васильевны и старика. Сразу же дыхнуло потусторонним, мистическим. Ваня даже для верности ущипнул себя за щеку.

Человечков надо было запечатать. Иначе – вот такое!

Это был не сон. Мать вылила кипяток себе же на руку, но как будто не почувствовала боли. Отец повернул к Ване глазницы, открыл рот, обнажая копошащуюся серую массу. Голосовых связок и лёгких у него уже не было. Он ничего не мог сказать, но коротко кивнул на пустой табурет у стола – как делал и в нормальной жизни, демонстрируя перед маленьким Ваней свой непререкаемый авторитет. Не нужно было слов, чтобы Ваня подчинялся отцу.

– Нет, – сказал сейчас Ваня.

Он заторопился. Почему-то подумалось, что отец вскочит – как раньше – схватит за волосы, потащит в комнату, где преподаст короткий, но очень болезненный урок общения при помощи старого армейского ремня. Звездочка на ремне была такой же тусклой, как монеточки. Поэтому Ваня рванул в спальню родителей.

Из кухни донёсся скрип отодвигаемого стула. Ваня сжал кругляши в ладони, соображая, как поступить и что вообще

делать.

Запечатать, вот что.

Ритуал не был завершен.

В дверном проёме появился сутулый отец. От него разило гнилью и перегноем.

Вспыхнули воспоминания, словно кто-то запустил перед глазами старый фильм на киноплёнке – дёрганный, не синхронизированный, впитавший в себя самые яркие кадры жизни с отцом. Ваня вспомнил, почему ушел. Почему редко общался и не заглядывал. Почему ни капли не удивился, увидев в гостиной гробы с телами.

Дальше Ваня не думал, он бросился на отца, толкнул его, вываливая в коридор. Тщедушный мертвец нелепо взмахнул руками, а потом переломился где-то в области колен и упал, трясаясь телом. Разлетелись черви, комья земли. Ваня же навалился сверху, рывком раздвинул отцовские челюсти, ломая нижнюю до сухого хруста, и затолкал монеточку как можно глубже.

– Тебя здесь быть не должно! – пыхтел он, чувствуя, как под напором ломаются оставшиеся косточки. – Пошёл прочь!

Отец елозил ногами, но не сопротивлялся. Он был слаб. Он больше не мог запугивать и бить.

Потом затих. Глаза почернели, сделавшись похожими на два сгоревших яйца.

Расправившись с отцом, Ваня поднялся и пошел за мате-

рю. Та стояла на кухне, прижимая к груди иконку.

– Не ссссмй!.. – начала она, с трудом выплёвывая слова.

Но Ваня посмел.

Мать была иссохшей и щуплой – именно такой, какой казалась в гробу.

Вталкивая матери в горло монеточку, Валя вдруг отчетливо понял, какая же разрушительная, великолепная, божественная сила оказалась в его руках.

Запечатывать человечков – это вам не аййтишником работать.

Мать тоже поелозила ногами и затихла. В квартире снова находилось два трупа – уже настоящих. Ваня сел на полу кухни, прислонившись спиной к холодильнику, и долго разглядывал свои руки. Под ногтями набилась грязь. Пальцы дрожали. Но вот мысли не дрожали. Мысли сделались ясными и правильными. Ваня уже решил, что будет делать дальше.

Он нашел договор и визитку. Набрал номер. Вызов приняли мгновенно.

– Слушаю, – сказал мужской голос.

– У меня тут двое... – Ваня сглотнул. – Двое запечатанных. Приедете?

#2

В тесном кабинете номер сорок четыре, где почему-то который день пахло то ли лаком, то ли клеем, собрались почти все из конторки. Через крохотные окна со шербатыми

рамами уличный свет почти не доходил, разве что мелькали неразборчивые тени редких прохожих.

Валя торопливо подсчитала по головам присутствующих, сверяясь с заметками в блокноте: трое сидят, двое стоят, Алиса – у монитора, как всегда подтянутая, красивая, без изъянов. Майор Ранний возле окна. Вид как у воробья. Пару дней назад Валя хотела его зарисовать в блокноте именно в таком вот воробьином варианте, но испугалась, что кто-нибудь увидит и осудит. Валя боялась осуждений, пожалуй, даже больше, чем место, в котором оказалась пару недель назад.

С дальнего ряда, у двери, доносился хриловатый голос:
– А я говорю, это они просто делать ничего не хотят. Рождаются сразу с ощущением, что все знают и всё умеют. Вот какая может быть цель в жизни, когда у тебя интернет под рукой? Правильно, хиханьки, да хаханьки...

Кабинет, со слов старожил, раньше был кладовкой при библиотеке, он и походил на кладовку не только внешним видом, но и неуловимой атмосферой, сразу было понятно, что внутри разве что книги хранить можно и тишину соблюдать. Он с трудом вмещал такое количество людей, да ещё столы, стулья, вешалки и шкаф с архивными папками. Остатки книг разместили на подоконниках, видимо было жалко выбрасывать. Собирались в кабинете редко, проветривали – ещё реже. На гипсовом бюсте Владимира Ленина, стоящем в углу, налипла пыль. Бюст был массивным и тяжелым, смотрел так

грозно, что никто не решался от него избавиться, разве что поглаживали нос ввиду какого-то суеверия, поэтому тот частично стёрся. Ещё в кабинете совершенно не ловила связь и не было интернета, поэтому те две планёрки, на которых Валя была, казались ей чрезвычайно затянутыми. Впрочем, тогда она ничего и не делала, а сейчас ей поручили дело: конспектировать и запоминать. Для этого Вале выдали блокнот и карандаши.

– Начинаем? – спросила Алиса, как будто у самой себя.

Валя кивнула и щёлкнула выключателем. Теперь светился только экран тридцатидвухдюймового монитора. Плотные шторы на окнах отработывали свой блэкаут на все сто процентов, хотя и света-то в полуподвальном помещении старого здания у Финского вокзала толком никакого не было. Так, отблески с улицы.

Алиса тоже щёлкнула – мышкой. На мониторе высветилось фото крупным планом: мужчина лет тридцати пяти, худой, в круглых очках с тонкой оправой, рыжий. Выражение лица – задумчивое. С виду классический петербургский интеллигент или современный айтишник. Даже шею шарфом обмотал.

– Серийник попался на крючок, – начала Алиса. – Наживку захватил на станции метро «Площадь Мужества» два дня назад. Кому-то нужно напомнить детали?

– Помедленнее, пожалуйста, я записываю, – ехидно сказал со своего места Гриша Малинкин, которого все в конторке

называли отцом Григорием.

Он здесь был самым старым по возрасту и по стажу. Никто прямо не говорил, но постоянно намекали, что отцу Григорию давно пора бы на пенсию, но лучше него следопыта (как говорили в конторке – «вынюхивателя») пока не нашли, поэтому приходилось терпеть скверный старческий характер, непростое поведение, постоянные шуточки, застрявшие где-то в девяностых, и скрипучий смех, на который Валя внимания не обращала, но знала, что он многих бесит. Не под запись Вале как-то рассказали, что отец Григорий застал Великую Отечественную, входил в отряд партизан и собственноручно обезвредил десяток фрицев. Правда, он их не убил, а отнес к разорвавшемуся шву реальности и вышвырнул в другой мир, в лапы какой-то кровожадной твари, сформировавшейся прямо там же, неподалеку от Ладожского озера. Пару дней отец Григорий (тогда еще мелкий Гришка) сидел перед разорванным швом и наблюдал, как тварь неторопливо заглатывает и переваривает одного фрица за другим. Вроде бы именно после этого мелкий Гришка (а теперь уже отец Григорий) принялся без устали сыпать шуточками, затыкая ими глубокие душевные раны.

Алиса повернулась к Раннему.

– Товарищ майор, освежите информацию? Это по вашей части.

Майор отлип от подоконника, на который тяжело опирался, и заговорил строгим бюрократическим голосом. Эту де-

таль Валя отметила в блокнотике. Майор выглядел как бюрократ, действовал как бюрократ и говорил, соответственно, тоже как бюрократ. Похожий тип людей казался Вале чем-то вроде динозавров или шерстистых носорогов, то есть давно вымершими существами, которые должны были остаться разве что на страницах книжек для детей и в мемах. В жизни, по крайней мере, она не разу ни товарищей, ни майоров не встречала. Конкретно про Раннего Валя знала только, что майор сотрудничал с конторой, а контора ему помогала.

– Значит так, товарищи конторщики, – зычный голос разнесся по кабинету. – Рассказываю для забывчивых. Полгода назад, то есть в конце февраля, на вверенной территории города Санкт-Петербурга объявился серийный убийца, обладающий характерным почерком, который позволил нам связать несколько преступлений между собой. С разрешенными материалами вы, должно быть, ознакомлены. Если не поленились почитать. Семь трупов. Жертвы обоих полов, разных социальных групп, возрастов, увлечений. Никак не пересекались. Нигде замечены между собой не были. Живут в разных районах. Тем не менее, одна линия в обработке появилась: убийства носили ритуальный характер.

– Монеточка, – негромко вставил Яков Кошкин, развалившийся на стуле ближе всех к майору.

Его приглушенный хриловатый голос вызывал у Вали чувство внутреннего беспокойства. Зарисовывать Якова Кошкина она точно не собиралась, а заметка выглядела ко-

ротно: «С ним надо быть начеку». Это со слов Алисы.

– Верно. Все жертвы были расчленены, расфасованы по пакетам и выброшены в мусорные баки. Во ртах были обнаружены монетки. Веки сшиты. На внутренней стороне правой ладони вырезаны символы, которые нам расшифровать пока не удалось. Передали в Клуб, те обещали помощь.

– А монетки не простые, а чеканки золотые.

Майор Ранний внимательно посмотрел на отца Григория сверху вниз.

– Молчу, молчу, товарищ начальник, – развел тот руками. – Разбавляю, тэк сказать, официальнойщину. Чтобы душно не было. Форточки все закрыты.

– Ага. Значит так. Освежаю дальше, – продолжил майор. – Монетки были идентифицированы как имеющие отношение к другим реальностям. Поэтому мы незамедлительно связались с нашим куратором в Клубе Любителей Хоррора и изложили все детали. После изучения дела, уважаемая Алиса Викторовна приняла решение подключить контору к делу и помочь в расследовании и поимке серийника.

Алиса коротко кивнула. Она была не только куратором, но и начальником конторы, которая официально называлась Отделом по связям с правоохранительными органами, а неофициально – Конторой Причинения Добра. Откуда взялось сленговое название Валя пока ещё не разобралась, но сокращение КПД нравилось ей больше, чем громоздкое – ОРСПО, штамп которого ставили на документах.

Что такое Клуб Любителей Хоррора Валя тоже не разобралась, но усвоила, что это головная организация. Какая-то очень крупная фирма, то ли держащая швейные фабрики в городе, то ли торгующая китайским ширпотребом (как сказал как-то отец Григорий: «Ширли-Мырли глобального разлива. Снимают сливки с пирога. А мы так, начинка»). Усвоила одно – и Клуб и Контора являлись прикрытием для чего очень и очень странного. Сформулировать более точно Валя пока не могла, даже заметки не помогали.

– Как любой потусторонний артефакт, просочившийся через швы реальности, монетки обладают неким уникальным свойством, – сказала Алиса. – Если убить потустороннее существо в нашем мире и вложить ему в рот, в руку или куда-нибудь ещё подобную монетку, то существо больше никогда сюда вернуться не сможет. Своеобразная закрепляющая печать. Наши предки еще тысячи лет назад их повсеместно использовали.

– А как потусторонние существа оказываются в нашем мире? – вполголоса спросил майор Ранний. Он к конторке не относился, поэтому не знал всех нюансов. Вале, впрочем, тоже было любопытно. Она приготовилась конспектировать.

Алиса охотно ответила:

– Кто-то проходит через служебные коридоры Клуба. Кто-то просачивается через прохудившиеся швы, легализуется и живет, как обычный человек. Конечно, есть нелегалы, но их поимка к нам не относится. Суть в другом. Есть существа

из других реальностей, для которых смерть – это всего лишь переход из одного состояния в другое. Так вот сила монеток в том, что они не дают совершить переход. Если существо умирает с монеткой, то оно умирает по-настоящему, без права возвращения, реинкарнации, перерождения и так далее. Мы не знаем, откуда взялись эти монетки. Знаем только, что их рассыпано по нашей реальности в достаточном количестве.

– Душно, друзья, – повторил отец Григорий. – Ну невыносимо же. Я просил освежить в памяти детали, а не оглушать нас канцеляризмом из уроков шестого класса! Все прекрасно знают про множественность миров, швы, которые их скрепляют, и всяких там существ, сформированных человеческой фантазией. Чего повторять-то?

– Пить меньше надо, – хмыкнул у двери кто-то – то ли Илья, то ли Димон. Валя пока не запомнила, кто из них кто: худые близнецы с лицами крепких алкоголиков. При этом – она сделала заметку в блокноте еще неделю назад – не пьющие, спортсмены, профессионалы. В силу разных причин у них были скверные и вспыльчивые характеры, из-за чего оба просиживали штаны в конторке, а не в штабе Клуба Любителей Хоррора, где их умения точно быгодились (заметка сделана со слов Алисы). Это они болтали в самом начале собрания.

Отец Григорий хитро покосился в угол на близнецов и подмигнул.

– Жаль, не утопили вас в унитазе после родов, – промурлыкал он беззаботно, но у Вали почему-то по затылку пробежал холодок.

– Вернемся к делу, – сказала Алиса. – Органы не смогли оперативно найти преступника. Ни одна камера его не зафиксировала. Пингов нет. Маршруты неизвестны. Монетки искажают реальность, подстраивая её под себя. Классический подлинный артефакт. Преступник каким-то образом находит потусторонних существ и убивает их. Среди жертв нет ни одного обычного человека. Только интегрированные в реальность.

– Что значит – интегрированные в реальность? – не удержалась Валя.

– Значит выглядят как люди, живут человеческую жизнь и хрен их просто так идентифицируешь, – ответил отец Григорий. – Типа как в фильме «Люди в черном» или «Банды Нью-Йорка» только не про пришельцев и ирландцев.

Валя ничего не поняла, старые фильмы она не смотрела и за масс-культурой не гналась. Но на всякий случай пробормотала:

– Ага, интересненько.

– В общем, майор Ранний обратился к нам, и мы подключились, согласно протоколу о взаимовыручке. Полторы недели назад по районам города были расставлены хоннипоты, на сленге – «медовые ловушки», которые должны были привлечь внимание преступника. Два дня назад он засветил-

ся. То есть вступил в диалог с хоннипотом и проследовал за ним порядка трех километров, явно пытаясь выследить. Сегодня вернулся, дал хоннипоту монеточку и пригласил в гости. Ожидается, что в ближайшие дни наш серийник заманит жертву в свое логово, там ритуально убьет и расчленит, приняв за изнаночное существо.

Валя охнула. В наступившей паузе это прозвучало особенно громко и нелепо. Майор Ранний удивленно приподнял брови:

– Вы новенькая что ли? – спросил он. – Не видел вас раньше на брифингах.

– Вторую неделю обживается, молодо-зелено, – ответил за неё отец Григорий. – Нежная душа. Зумерка. Или как там их сейчас кличут. Но закаляется, как сталь.

– Медовая ловушка – это неразумная тварь из другой реальности, – объяснил Димон из угла. – Вроде рыбешки. Суется вдоль швов, ищут прохудившиеся дыры и лезут в нашу реальность. А уже у нас обретают плоть, становятся похожими на девушек и шляются по улицам без дела. Разума нет. Умеют повторять то, что запомнили. Впрочем, память у них тоже недолгая, на несколько часов. Дико популярны на Патриарших в Москве, с ними снимают ролики, где задают разные вопросы в духе «Когда отменили крепостное право», а они хлопают глазёнками и отвечают: «При гипсовом нашем Владимире Ильиче». Умора. В Клубе их отлавливают десятками в месяц и дрессируют для разных целей. Мы их

как приманку используем. Не жалко.

Варя смущенно закивала, будто всё поняла. Но в голове, если честно, была каша. Не забыть бы записать.

Алиса продолжила:

– Расчленит... В общем, хоннипот транслировал запись. Это позволило нам идентифицировать преступника как Ивана Антоновича Малинкина. Тридцать шесть лет, работает в небольшой фирме-интеграторе. Детали прошлого нужно выяснить.

– Примечательно, что первыми обнаруженными жертвами являлись приёмные родители Ивана Малинкина, – вставил майор Ранний. – Его дважды допрашивали в феврале, но у Ивана было железное алиби. Он в день пропажи родителей возил на дачу под Сестрорецк соседку, некую Варвару Васильевну Антипову-Заречную. Помогал ей довести рассаду и инструменты и до глубокой ночи возился с огородом. Вернулся поздно к себе в однушку на Лесной. Записи с камер наблюдений подтвердили его слова.

«Монеточки искривляют реальность», записала Валя карандашом в блокноте.

– Берём психа сегодня? – негромко спросил Яков Кошкин.

– Пока устанавливаем предварительное наблюдение, – ответила Алиса. – Яков, вы на низком старте. Будем брать, как только ловушка захлопнется. Действуем по приказу. Желательно Малинкина взять живьем.

Майор Ранний осторожно кашлянул в кулак.

– Ещё от меня просьба личного характера, – добавил он, оглядывая присутствующих. – Не наследите. В прошлый раз я две недели рапорты и отчеты заполнял. Одного товарища пришлось уволить по собственному. Он в психушке до сих пор, всё время говорит о большой белой рыбе. Прогресс в лечении есть, конечно, но выйдет месяца через четыре, не раньше, и вряд ли вернется в органы. Дворником в лучшем случае.

– Потому что не нужно было соваться в коммуналку, – сказал то ли Илья, то ли Димон.

Валя осторожно записала в блокнот: «Большая белая рыба». Изучить на досуге.

Алиса повернулась к Раннему:

– Мы учтём, товарищ майор. Ценное замечание. На сейчас всё, за работу.

– Суматохи-то сколько. Валенька, включи свет, глаза болят! – отец Григорий поднялся, потянувшись. – Если срочно понадобится, ищите меня на Жуковского, у мёртвых поэтов. Там такие настойки, душа радуется.

Валя щёлкнула выключателем, и бывшую кладовку залило желтоватым светом. Майор Ранний то ли нахмурился, то ли сощурился. Алиса выключила монитор.

– Валентина, останьтесь, пожалуйста, – сказала она, пока остальные протискивались в коридор. – Надо проговорить кое-какие детали. Насчет вашей работы.

С работой вышло странно. Вернее, необъяснимо странно.

Если бы у Вали спросили, что она делает в кабинете номер сорок четыре каждое утро вот уже вторую неделю, почему присутствует на брифингах, для каких целей оставляет заметки в блокноте и что её вообще здесь держит – Валя бы не смогла сразу ответить. Хотя бы потому, что сама до конца не понимала.

Она как будто плыла по течению без цели и без ожиданий.

В этой истории было начало: два месяца назад Валя переехала в Петербург из Краснодара. Она давно мечтала о Петербурге, в котором никогда не бывала ранее. Её пленил прекрасный образ сурового города на Неве, где можно было бесконечно долго гулять по набережным, пить кофе с видом на место дуэли Пушкина, читать книги в сквериках возле Казанского собора и наслаждаться белыми ночами. В образе, однако, стремительно обнаружилось множество изъянов. В первую очередь, в нём жили точно такие же люди, как и везде. На Московском вокзале Валу облепили бомбилы, попрошайки и аниматоры в костюмах персонажей мультфильмов. На Лиговском за ней увязался мужчина, сочетавший в себе образы алкоголика, интеллигента и популярного блогера из ВК. Он настойчиво выпрашивал номерок телефона, потом пару сотен на пиво, потом, не получив желаемого, обозвал Валу кокетливой дамой полусвета и затерялся где-то между магазинчиком с шавермой и модным лофтом «Этажи».

В небольшом доме на Марата, где Валя заранее забронировала комнатку на первое время, её встретила неприветливая бабка в застиранной ночнушке и с сильнейшим запахом дешевых сигарет. Едва оформили на коленке договор, и Валя передала деньги, бабка тут же всучила ей два полных мусорных пакета и велела живее вынести на мусорку, пока не завоняли весь лестничный пролёт. Выбросив мусор, Валя обнаружила, что не может попасть в парадную, потому что бабка не открывает дверь через домофон. Все вещи остались внутри, ключей не было. Простояв двадцать минут, Валя дождалась, когда дверь откроется изнутри, юркнула мимо какого-то мужчины и стремительно взлетела по роскошной, дореволюционной лестнице, на третий этаж. Два её чемодана лежали на пролёте, выпотрошенные, как мертвецы. Пропали документы, кошелек, несколько платьев, сумочка для «марафета», то есть с духами, губной помадой, масочками для лица и так далее. Разгневанная Валя долго колотила в дверь бабки, но, естественно, никто не открыл. Зато открылась другая дверь, напротив, и высунувшийся оттуда подданный мужик в растянутой «алкоголичке» сообщил, что вызовет полицию, если не будет тишины. По его тону Валя поняла, что от полиции ничего хорошего ждать не придётся.

Собрав остатки вещей в чемоданы, Валя спустилась во внутренний дворик бывшего доходного дома, уселась на скамейку возле мусорных баков и обхватила голову руками, пытаясь собрать мысли в кучу.

В Петербурге у неё жила дальняя родственница, то ли троюродная тётя, то ли четырёхюродная бабушка. Родственница не любила общаться, вела замкнутый образ жизни, но на все праздники неизменно отправляла Валиной маме открытки. Причём, не через мессенджеры, а настоящие, по почте. Это были старые открытки, где на одной из сторон в уголке висел советский герб, а на другой красивые люди с красивыми добрыми лицами держали в руках то серпы, то молоты, то пучки пшеницы, то кукурузу. Каждую открытку родственница собственноручно подписывала, начиная словами: «Дорогие мои, хочу поздравить Вас!..». Зачем она это делала Валя не знала. Родственница представлялась ей поехавшей старушкой, которая, возможно, видела ещё Николая Второго, Ленина или, может, Черномырдина. Мама дала Вале её номер телефона, почему-то осторожно заметив, что звонить нужно только в самых крайних случаях.

И вот теперь, сидя на скамейке и постепенно собирая вокруг себя любопытных голубей, Валя пришла к выводу, что крайний случай настал. Быстрее, чем она ожидала.

Дальняя родственница молча выслушала по телефону Валину сбивчивую историю и сухо сказала:

– Не ной, город этого не любит. Сейчас сброшу смску с адресом. Купи по дороге слоёное тесто и кетчуп.

Спустя час Валя стояла на пороге квартиры нового многоэтажного дома у метро «Пионерская». Вайб Петербурга выветрился начисто. Даже наоборот – огромный микрорайон

навевал мысли о родном Краснодаре, который методично застраивали так, словно не хотели оставлять под дороги и тротуары ни единого квадратного метра.

Дальняя родственница выглядела лет на тридцать пять, была худенькой, черноволосой с бледной кожей, сквозь которую густо проступали сеточки вен. Размеренно жуя жвачку, она оглядела Валю с головы до ног и спросила:

– Намерения серьёзные?

– Что? – не поняла Валя.

– Ты в город приехала для чего? Романтику найти или задержаться? Город не любит наивных. Знаешь, сколько их здесь вдоль каналов закопано? Романтика вообще для наивных. Парочки эти, которые приезжают, чтобы встретить рассвет у разводных мостов, полежать на Марсовом поле, селфи бесконечные сделать и под дождем погулять. Они здесь нафиг не нужны и быстро выдавливаются прочь. Чемодан, вокзал, Пермь, Томск, Новосиб или Минводы. Только хардкор, уясняешь? Жить здесь, это привилегия для избранных. Город можно понять, только когда поживёшь здесь несколько лет. А лучше пару сотен.

Ошалевшая от происходящего Валя шевельнула плечом и ответила:

– Я пожить. Ну, собиралась надолго. Работу найти, всё такое.

– Цель есть?

– Что?

– Что-что, непонятливая какая. О чём метаешь, девочка?

– Книжный магазин открыть, – ляпнула Валя, вспомнив, как однажды по пьяни на какой-то студенческой вечеринке затирала взрослому лектору, что жить не может без книг и литературы, а где ещё открыть культовый книжный, как не в Петербурге? Мечта была, мягко сказать, очень отдаленная от реальности, но ничего другого серьёзного в голову больше не пришло.

Дальняя родственника хмыкнула и посторонилась, кивком приглашая Валу внутрь.

На этом странности не закончились.

– Как жить планируешь? – устроила допрос дальняя родственница, когда Валя прошла за ней по тесному коридору на кухню. Чемоданы остались в прихожей. – Работу уже нашла? Денег откладывала? Или мамка дала что-нибудь? Почерк хороший? Друзья в городе есть? А враги?

Закипел старый чайник на плите. Из окна была видна стихийная парковка между домами.

Валя отвечала смиренно, пытаясь осознать всю сложившуюся ситуацию. Планов немного. Работу не нашла, в поисках. Денег мама скинула на карту, чтобы снять жильё, ненадолго. Почерк хороший. Друзей нет, как и врагов, если не считать теперь ту бабку в застиранной ночнушке.

Дальняя родственница хмыкала и кивала, параллельно заваривая душистый чай. Расположив перед Валею кружку и пачку печенья «Юбилейное» с шоколадом, сама она села на-

против и заговорила:

– Значит слушай внимательно. Ко мне случайные люди не приходят, значит и ты здесь не просто так. Порог переступила – согласилась на изменения в своей жизни. А изменения будут радикальные и необратимые. Работа у меня для тебя есть. Платят неплохо, жильем обеспечивают, плюс соцпакет, ДМС, защита от дураков, преступников, болезней и проклятий. Полный список тебе дадут на месте. Что от тебя нужно? Хороший почерк, моральная и душевная выносливость, готовность к переработкам и это... крепкая психика. У местных с этим плохо. А у тебя?

– Не жаловалась, – ответила Валя. – Мне что-то записывать придётся, да?

Робость сменилась любопытством.

– Ага, записывать. Много, часто и без вопросов. Простой сотрудник не прошел испытательный срок. Дурачок был знатный. Впрочем, либо хорошо, либо ничего... Сегодня вечером готова пройти собеседование?

– Прямо так быстро?

Дальняя родственница поправила гриву чёрных волос, разглядывая Валу как-то даже немного хищно, слово затаившийся голодный волк в лесу. Потом ушла в одну из комнат и вернулась со стопкой открыток. Их было штук десять, на всех изображен олимпийский мишка, тот самый, с доброй улыбкой и медалью на груди. Мишка держал в лапах букет цветов. Мишка стоял в окружении матрёшек. Миша изобра-

жал Деда Мороза. Мишка бежал по спортивной дорожке с олимпийским факелом. В общем, Мишка был на все лапы мастер.

– Пиши под диктовку, – велела дальняя родственница, рассыпав перед Валею несколько ручек. – На одной пиши. Так. «Дорогие мои, любимые! Поздравляю вас...»

Валя писала старательно. Меняла ручки для каждой открытки. Старалась не волноваться. В какой-то момент – примерно на четвертой открытке – мозг её как будто отключился. Рука выводила буквы сама собой, пропуская через Валу фразы: «Целую и желаю счастья», и «Вечной жизни вам, родные!» и даже «Не умрите раньше времени, вы нам ещё пригодитесь». Ни одной мысли не удерживалось в голове, Валя превратилась в механическое устройство, вроде пишущей машинки, функция которой одна – правильно записать.

Когда открытки закончились, а дальняя родственница замолчала, пылливо и с нотками хитринки разглядывая Валу, та ещё пару минут сидела без движения и старалась донести до пальцев правой руки простую мысль: выпустите ручку. Мозг, как заглохшая машина, на команды не реагировал и жаждал записать что-нибудь ещё. Дальняя родственница пододвинула к Вале чашку с остывшим чаем:

– Переключись. Молочный улун, вкусный.

И – щёлк – Валя переключилась. Ручка упала на стол, руки обняли тёплую чашку и поднесли ко рту. Действительно, вкусный.

– Что это было? – спросила Валя спустя некоторое время, когда в голове немного прояснилось.

– Тестовое задание, – дальняя родственница собрала открытки в стопку. – Ты отлично готова. Тебе нужно сказать «окей», и все твои серьёзные намерения насчет Петербурга начнут осуществляться.

Валя ответила: «Окей», а спустя несколько часов уже стояла неподалеку от Финляндского вокзала, на задворках советской панельной девятиэтажки, возле двери в подвальное помещение, замочная скважина которой была заварена куском поржавевшего металла. Над дверью приколотили табличку золотистого цвета, на которой было написано «АО «РОСШВЕЙ»»

Это была ещё одна – третья по счету за неполный день – сторона Петербурга. Город, словно избушка на курьих ножках, развернулся теперь высокими трубами, панельками, узкими пыльными улицами, запахами машинного масла, а на контрасте – огромной красивой площадью на берегу Невы с памятником Ленину в центре и неработающими фонтанами. Народу было тьма. Суеты тоже, даже на задворках улицы. Геометка на карте показывала на единственный вход под козырьком. Вот только как проникнуть внутрь?

Валя погружалась в странность, словно в прохладную воду на изломе жаркого дня: кожа покрылась мурашками, затылок покалывало. Она ощупала дверь, попробовала найти

щелочку, за которую можно ухватиться и потянуть. Безрезультатно. Толкнула плечом. Дверь легко поддалась внутрь, вопреки всем правилам пожарной безопасности, и намертво заклинила, открывшись примерно наполовину. Валя протиснулась в образовавшуюся щель и оказалась в коридоре.

Коридор выглядел по-офисному: пол застелен ковровым, подвесной потолок, двери с двух сторон, а между дверей кулеры с водой. Пространство наполняли звуки работающих принтеров, телефонных разговоров, чьих-то шагов, щёлканье пальцев по клавиатуре. Где-то звонко рассмеялись. Кто-то включил музыку.

Валя оглянулась и без должного удивления обнаружила, что двери больше нет. За спиной оказалась стена, выкрашенная в серый.

В коридор выглянула девушка лет двадцати, в хорошеньком костюме, с ярким макияжем. Она улыбалась и прижимала к груди планшет.

– Валентина? – спросила девушка. – Приятно познакомиться, я Женя. Временно отвечаю за вашу адаптацию. Пройдёмте.

– Погодите. – пробормотала Валя. – Что это? Как я тут оказалась?

– О, всё просто. Эмоциональная отмычка. Вы, в некотором роде, поверили, что прошли через дверь к нам в офис, и перестроили реальность с помощью некоторых, эээ, инструментов, которые загрузила в вашу голову коллега. Вы ведь

с ней общались? Меня предупредили. Сложно вот так сразу объяснить. Я всего лишь администратор, не шарю в этом. Пойдёмте.

Женя направилась по коридору, и ошарашенная Валя пошла за ней. Свернули налево, потом ещё раз налево, потом куда-то ещё, потом Валя запуталась. Женя шла шустро, не оборачиваясь, приходилось торопиться, чтобы не отстать. В конце концов, остановились у двери в полметра высотой, обрамлённой металлической коробкой. Дверь не походила на офисную. Женя открыла её и показала Вале на лестницу, ведущую вниз, в темноту.

– Это подвал? – брякнула Валя.

Темнота сжирала ступеньки и кафельные стены. Оттуда веяло прохладой, затхлым воздухом и чем-то слегка испорченным.

– Это вход в контору. Вам туда, в отдел по связям с правоохранительными органами. – Женя широко улыбнулась. – Вы не переживайте, это только сначала страшно, а потом привыкаешь.

– Почему мне должно быть страшно?

– Ну, от вида крови, – сказала Женя, продолжая улыбаться. – От смертей. От тварей, которых они отлавливают постоянно. От людей, которые там работают. В отдел от хорошей жизни не попадают. Один Яков Кошкин чего стоит, – она вдруг осмотрелась и добавила шепотом. – Но я вам ничего не говорила. Моё дело провести адаптацию, выдать па-

кет нового сотрудника и рассказать про внутреннюю структуру. Пожалуйста, спускайтесь.

– Зачем я вам? – спросила Валя негромко. – Я просто девушка, которая переехала в Питер. На работу хотела устроиться, по Фонтанке гулять, на Невском пышки кушать... Не нужна я вам.

Темнота сделалась гуще, как хороший эспрессо в чашке.

– Обязательно погуляете, – заверила Женя и взяла Валу за плечо. – Покушаете. С этим проблем нет. Я вам всё расскажу. Перед вами такие возможности открываются, закачае-тесь. Ну же, пойдёмте.

Валя больше не сопротивлялась. Первый шаг был самым сложным, а потом очень интересно. Хоть и страшно.

#3

Разглядывая девушку с шоппером, которая суежилась у входа в метро и клянчила деньги – который день, как заведенная – Ваня вспомнил, как в конце февраля ходил ночью по квартире родителей и с тревогой ждал звонка в дверь.

Засевшая в теле раскаленная пружина не давала тогда присесть, приходилось кружить по гостиной, выходить в коридор, оттуда в кухню и так далее без остановки, словно кот, ищущий жратву. Трупы Ваня перетасил в ванную комнату и свалил один на другой, будто мешки с прогнившей картошкой. Они уже почти и не воспринимались как родители. Оставшаяся монеточка, та самая, которую приобрел у де-

да на Нарвской, холодила карман брюк. В холодильнике нашлась бутылка кефира, Ваня распечатал её и осушил наполовину, чувствуя приятный холодок.

Часа в три ночи раздался звонок.

На пороге стояли двое молодых людей, чуть за двадцать, лысые и с бородами, в костюмах. Снова как агенты Смиты, но неувовимо другие.

– Мы зайдём? – вежливо спросил один из.

Ваня посторонился.

– Где?

Ваня показал.

Молодые люди не разувались. Один достал телефон и что-то записал. Второй сделал несколько снимков. Действовали слажено, без лишней суеты. Их спокойствие мгновенно перешло Ване, и он понял, что тоже всё делает правильно.

– Что это за монстры? – спросил Ваня.

– Обычные интегрирующиеся, – ответил молодой человек. – Присосались пиявками к нашей реальности и вытягивали из неё жизненные соки. Хорошо, что вы запечатали.

Он вынул из плотного чёрного рюкзака рулон строительной пленки, электролобзик и молоток. Второй молодой человек тем временем снял пиджак и неторопливо закатал рукава белоснежной рубашки, обнажив густые татуировки до локтя. Татуировки эти с первого взгляда не несли никакого смысла. Просто узоры тёмно-синего цвета, то ли языки пламени, то ли лепестки невиданных цветов.

– Принимаете обязательства по детерминации? – спросил молодой человек, протягивая Ване несколько распечатанных листов.

– Что?

– Нужна ваша подпись о согласии и неразглашении, – объяснил молодой человек. – Плюс подтверждение об оказанной услуге. Мы убираем тела, создаем вам алиби, запечатываем прохуdivшийся шов, наращиваем слой реальности. Вы помалкиваете.

Ваня торопливо закивал, зажал листы подмышкой.

– Можно посмотреть? – спросил он.

– На что?

– На это... – Ваня показал на трупы в ванне. – Как убираете.

– Это будет грязно, шумно и не для слабонервных, – ответил молодой человек, расстилающий по кафельному полу клеенку.

– Потерплю.

Ваня и сам не мог точно сказать, зачем напросился посмотреть. Много позже он решил, что ему необходимо было подтверждение, что родители мертвы, что они больше не вернутся, что эти два человека окончательно сделались ему чужими. Ну вот и получил.

Несмотря на то, что молодые люди действовали быстро и профессионально, получилось действительно грязно, шумно и не для слабонервных. Пару раз подкатывала тошнота, Ва-

ня отворачивался, сухо сглатывая и массируя виски, но потом поворачивался вновь и наблюдал. Как будто это был не он, обычный аналитик в айтишной компании, а другая его сущность, жаждущая разобраться и понять, что происходит – причём даже не с мистической точки зрения, а с физической, кровожадной. Как отделять шею от туловища, как дробить кости, как раздвигать рёбра и вынимать внутренности.

Когда дело было сделано, на улице уже рассвело. Остатки тел родителей, упакованные в пленку, лежали в коридоре, а молодые люди умывались в раковине. Отворилась входная дверь, в квартиру осторожно заглянула Варвара Васильевна. Увидев брикеты в пленках, она шевельнула бровями и сказала:

– Ванечка, милый, как всё прошло?

– Как видите, хорошо.

– Не тошнило? Покаяться не хочешь, родной?

– Пока нет, – пожал плечами Ваня. – С чего бы?

В рассветной бледной серости февраля ему, наоборот, мимолетно захотелось найти какую-нибудь ещё тварь и использовать третью монетку, посмотреть, что из этого выйдет.

Из ванной выглянули молодые люди, приветливо поманили Варвару Васильевну внутрь, и она грузно протопала на кухню, и Ваня тоже протопал на кухню, и все они расселись за столом.

– Иван Антонович, услуга оказана, вам нужно подписать договор, на каждой странице, ага, вот здесь тоже... – ска-

зал один из молодых людей, натирая тонкие пальцы влажной салфеткой.

Ваня подписал, бегло пробежав взглядом по мелкому шрифту.

Варвара Васильевна сипло дышала, словно её большому телу не хватало воздуха.

– А теперь слушайте, – молодой человек аккуратно собрал листы в стопку и убрал в пластиковую папку белого цвета. – Вы нарушили условие запечатывания, пункт четыре, дробь «бэ». Насколько известно, вы были осведомлены о том, что монеточки необходимо положить в гроб, чтобы не навлечь штраф, но сознательно пренебрегли условием, тем самым позволив интегрировавшимся вернуться, что повлекло за собой внеплановый вызов бригады скоростного реагирования, затраты на утилизацию и детерминацию и на наращивание слоя реальности. В связи с этим вам выставлен отдельный счет на услуги, вот он.

На стол лег ещё один лист, в котором Ваня разглядел множество цифр, выстроенных ровными колонками, и несколько абзацев совершенно непонятного текста. Закружилась голова.

– Что значит счёт? – спросил он ошалело.

– А то и значит, милый, – проворковала Варвара Васильевна. – Просила же тебя монеточки убрать, а ты что натворил? Людей пришлось от дел отвлекать, возиться с тобой, как с ребенком. Думаешь, им заняться больше нечем?

– Ну я же не знал.

– Вроде большой, а тупишь, – Варвара Васильевна перегнулась через стол и потрепала Ваню по щеке, больно зажав кожу двумя пальцами. – Да ты не бойся, долг не большой, по совести. Быстро расплатишься. Год-два, то тут, то там.

Интонации её голоса изменилась, сделавшись мерзко-нагловатыми, словно соседка почувствовала власть. Как вахтерша на проходной или охранник в холле бизнес-центра.

– Деньги? – Ваня смотрел на лист, но не мог ничего понять от нахлынувшего волнения.

– Интегрировавшиеся, – сказала Варвара Васильевна. – Восемь штук. Найти, запечатать, передать. Вот как ты со своими приёмными сделал. Только больше не тупи, родной. Увидел тварину, сразу запечатывай и звони. Восемь наберёт-ся, долг закроется. Все будут счастливы.

Молодые люди вежливо молчали.

– Вот так запросто? – уточнил Ваня. – А как мне им монетки-то в рот класть? Они же живые. И где монетки брать? Как находить их вообще?

– Не волнуйся, милый. Всё расскажу, всё покажу, – разулыбалась Варвара Васильевна. Похлопав себя по карманам халата, она извлекла монеточку – тусклую, с зеленоватыми прожилками – и положила сверху на лист. – Пока одной достаточно. У меня ещё есть. А ты пока отдыхай, Вань. Ночь непростая была. Я попозже приду, потолкуем как следует.

На этих словах он поднялась из-за стола, и молодые люди

проворно поднялись тоже. Оставшийся на кухне Ваня безучастно наблюдал, как молодые люди выносят на лестничную клетку брикеты в пленке, а Варвара Васильевна ходит по коридору, сипло втягивая носом воздух. На её фиолетовых волосах колыхались бигуди, словно готовые вот-вот сорваться.

Потом дверь закрылась, в квартире стало тихо. Ваня долго разглядывал монеточку и наконец сгрёб её, точно Горлум, добравшийся до кольца всевластия.

Восьмой *штукой* должна была стать эта девушка, клянчившая деньги у метро.

Последняя.

Варвара Васильевна ещё в феврале рассказала, что любому «интегрировавшемуся» для начала нужно убить, чтобы после запечатать, и эта работа тоже лежала на Ване.

«Не нервничай, милый, это не сложно. Главное выдыхай и глаза не закрывай, – наставляла соседка за чашкой чая. – Всегда нужно убедиться, что человек стал трупом. Ежели человек не труп, то и запечатывать некого»

Ваня при этом не боялся, что кого-то нужно будет убивать – после родителей он принял факт убийства, как должное. Его больше беспокоило, как бы чего не вышло.

И вот как раз с первой жертвой пришлось повозиться. Приведя в квартиру мужичка лет пятидесяти, который при виде монеточки потерял волю, Ваня, не особо заморачива-

ьясь, несколько раз пырнул его кухонным ножом, но то ли слабо ударил, то ли попал не туда, куда нужно, но мужичок отказался вот так сразу умирать, заголосил и бросился на Ваню с кулаками. Растерявшийся Ваня пропустил несколько ударов, прежде чем сообразил, что надо как-то отвечать. Он слепо полоснул ножом, потом ударил мужичка по коленке, повалил на пол и добил. Только после этого понял, что мужичок сломал ему нос.

Пока Ваня останавливал кровь под струей ледяной воды, соображал компресс при помощи тряпки и льда, мужичок определенно стал трупом. Ваня раздвинул его челюсти и затолкнул монетку в горло, после чего отправил сообщение по указанному номеру и около часа сидел в кухне и пил кофе вперемешку с таблетками обезбола, пока на пороге квартиры не появились двое молодых людей в костюмах.

– Вы припозднились, – ухмыльнулся Ваня. Затухающая боль в переносице заставляла его иронизировать. – Двое из ларца, блин. Давайте живее, мне ещё на работу с утра и объясняться про нос.

Сейчас, подойдя к девушке с шоппером у метро, он равнодушно подумал, что на ней всё и закончится. Нужно просто сделать дело, как положено, избавиться от последней монетки, закрыть долг и вернуться, наконец, к обычной жизни.

Какая же далекая она оказалась, эта обычная жизнь.

– Дайте монеточку, – девушка повернулась, заискивающе протягивая тощую ладошку. – На проезд не хватает.

Всё тот же хриплый старушечий голос, выдающий в ней «интегрирующуюся». Потусторонние твари часто не синхронизировались с реальностью, Ваня уже уяснил. К тому же время перевалило за полночь, метро давно закрылось, и возле вестибюля шатались только редкие бомжи и неформалы.

Ваня показал монеточку и заметил, как изменился взгляд девушки. Теперь она была в его власти и никуда больше не денется.

– Пойдём, дам монеточку, – произнёс он дежурную фразу. – У меня много дома. Разные, интересные.

Девушка, подрагивая нижней губой, послушно поплелась за Ваней по проспекту. Если сначала он боялся, что его застукают камеры, появятся свидетели или кто-то ненароком снимет видео в людном месте, в духе «вот так маньяк уводит беззащитную жертву в своё логово», то на пятой *штуке* уяснил, что молодые люди в костюмах отлично делают свою работу, в том числе наслаивают реальность, словно новую штукатурку поверх старой.

Пятой была девочка лет двенадцати, она подошла сама в людном и шумном торговом центре на Нарвской и попросила показать монеточку. Каким-то образом потусторонние твари её чувствовали. Ваня показал – девочка захлопала ресницами и попросилась в гости. Вокруг суетились люди, на сцене вестибюля играла какая-то малознакомая группа, везде были камеры, велась трансляция онлайн, но Ваня взял девочку за крохотную ладошку и вывел из торгового центра.

На следующее утро, когда молодые люди увезли расфасованное по пакетам тельце из его квартиры, Ваня полез смотреть онлайн трансляции и убедился, что на кадрах его попросту нет. Девочка уходила сама, чтобы никогда больше не вернуться.

Нынешняя девушка шла молча, как и все другие до неё. Проспект, несмотря на глухую ночь, был оживлен, но Ваню это больше не беспокоило. Он пропустил девушку в подъезд, вызвал лифт.

– На проезд дадите? – спросила она, поглядывая на Ваню снизу вверх.

– А зачем тебе монеточка? – спросил он неожиданно.

Девушка пожала плечами:

– До Просвета доехать. Или вниз по красной ветке. Куда-то мне надо...

Станный ответ. Выйдя из лифта, Ваня взял девушку за плечи и небрежно направил к дверям своей квартиры. Она не сопротивлялась.

– Проходи в кухню, – велел Ваня, разуваясь. – Я сейчас.

В квартире было душно, как всегда. Проветривания не помогали. Ване казалось, что он постоянно чувствует сладковатый запах гниения, хотя молодые люди уверяли, что каждый новый слой реальности не просто ложится поверх настоящего, но и затирает его. Таких слоев было уже семь.

Ваня долго возился с монеточкой в гостиной, словно оттягивал финальный акт этой затянувшейся пьесы. Вертел в

пальцах, разглядывал изображение, тёр, принимался. Он грустил и радовался одновременно, хотя не мог понять, какая именно эмоция преобладает.

Зажав, наконец, монеточку в ладони, Ваня прошел в кухню и застал девушку сидящей на полу. Спиной она облокотилась о холодильник, вытянула ноги, опустила голову. Руки безвольно лежали ладонями вверх. Волосы закрывали лицо.

Отключилась что ли?

Он присел, осторожно приподнял голову девушку за подбородок. Глаза закрыты, губы плотно сжаты. Попытался нащупать пульс. Ничего. Сердце не билось.

Интересное дело.

Для верности Ваня похлопал девушку ладонью по щекам, потом прислонился к тощей груди и прислушался. Как так могло получиться, что девушка вдруг умерла прямо у него на кухне?

– Дай монеточку, – вдруг глухо сказала она, не открывая глаз. – Один один ноль семнадцать. Связь. Перенгую. Удерживаю до прибытия.

Руки цепко обхватили Ваню и вдруг с невероятной силой рывком прижали к тщедушному телу. Что-то больно треснуло в области лопатки. Ваня от неожиданности вскрикнул. Монеточка выскользнула из руки и покатилась по полу.

Он попытался высвободиться, но девушка держала крепко, а потом ещё опутала ногами, словно в каком-то борцовском захвате.

– Удерживаю до прибытия, – говорила она. – Удерживаю до прибытия.

Извернувшись, Ваня дотянулся рукой до её лица, схватился за нижнюю челюсть и с силой рванул.

– Удерживаю до прибытия... . . .

Челюсть хрустнула и обвисла, вывалился язык. Глаза под закрытыми веками принялись бешено вращаться. Однако схватка не ослабла, и Ваня трепыхался, словно зверь, угодивший в капкан, еще несколько минут, пока не выдохся. Ему удалось вцепиться руками в запястье девушки, но на этом силы и закончились. В наступившей ночной тишине Ваня слышал какие-то звуки. Щёлкнул замок. Кто-то торопливо зашагал по коридору, шаркая тапками. В дверях возникла Варвара Васильевна собственной персоной, завёрнутая в халат, с растрепавшимися фиолетово-седыми волосами.

– Вляпался, Ванечка! – она бросилась к нему, ухватилась за девушкины руки и ноги и какое-то время бестолково пыталась их разжать. Ничего не выходило. Мало того, хватка усилилась, Ваня почувствовал, как болезненно трещат рёбра, стало нечем дышать.

– Не надо! – зашептал он. – Оно сжимает! Отпустите!

– Менты проклятые, – проскрипела Варвара Васильевна, побагровев лицом. – Вычислили, поймать хотят! Наверняка уже мчатся сюда! Надо что-то делать, Ванечка! Надо на опережение, милый!

Метнувшись из кухни, она вскоре вернулась, держа напе-

ревес строительный молоток с прорезиненным набалдашником.

– Нельзя, Ванечка, чтобы ироды проклятые нас поймали, – сказала она. – Ты ещё молодой, тебе жить да жить. Выбираться будем!

Замахнувшись через плечо, она резко обрушила молоток на голову девушки, проламывая череп. По телу девушки пробежали судороги, руки и ноги сжались так крепко, что Ваня заорал от боли.

– Потерпи, милый! – старушка замахнулась вновь.

Следующий удар расплющил плечо и ключицу, с хрустом выломилась кость, раздирая кожу. Схватка ослабла, и Ваня с облегчением понял, что может вздохнуть. Перед глазами бегали искорки. С третьего удара девушку отшвырнуло словно куклу, конечности распластались в стороны. Оказавшись свободным, Ваня отполз на корточках в сторону и хрипло дышал, сплёвывая кровью.

Варвара Васильевна же, встав над распростёртой девушкой, опускала и поднимала молоток с натренированной частотой и как будто даже не запыхалась.

– Она мёртвая? – спросил Ваня, прокашлявшись.

– Более чем, милый. – Молоток с грохотом упал возле окровавленного тела. – Попались мы. Это ловушка такая, я слышала. К нам уже гости мчат, которые добро причиняют. И тебе мчать надо.

– А как же вы?

– Моё дело маленькое, – Варвара Васильевна сгрэбла монетку и запихнула её себе в рот. Раз – и проглотила. После чего протянула ошарашенному Ване кухонный нож. – Приветик передам, и за тобой. Я же соседка, все меня знают. То тут, то там, никто не тронет бабушку с лестничной площадки.

Ничего не понимая, Ваня взял нож, поднялся. Его пошатывало. Мелкая дрожь сковала тело.

– Куда бежать-то?

– Куда глаза глядят. Подальше отсюда.

– А если позвонить молодым людям? Пусть приедут и новую реальность наслоят, а? Они же умеют.

Эта реальность, настоящая и необратимая, трещала по швам. Час назад Ваня размышлял, как расплатится с долгом, напьется до беспамятства и потом проснется с новым мироощущением, снова свободный и ни от кого не зависимый. А теперь что?

– Не выйдет, милый, – сухо ответила Варвара Васильевна. – Беги. И убей там всех, сколько сможешь.

И Ваня побежал.

#4

Такси долго кружило по району, не находя нужной парадной. В лабиринте старых однотипных девятиэтажек легко было заблудиться даже днём, а что говорить о глубокой ночи, укрытой мелким сентябрьским дождем.

Окна запотели изнутри, Валя видела только размытые пятна фонарей и блики фар других автомобилей. Таксист сохранял хладнокровие, хоть и выстукивал пальцами по рулю мелкую дробь.

– Домчим в лучшем виде, – говорил он. – Комар носа не подточит.

Видимо, вид крохотной, заспанной, нечёсаной Вали вызывал в нём глубокое чувство отцовства, или ещё чего подобного. По дороге она пыталась навести марафет, но вскоре сдалась, решив, что раз уж на часах половина третьего, то и образ должен быть соответствующий.

– Это за какие грехи в такую глухомань вас занесло-то среди ночи? – сочувствовал таксист под тягучий джаз, сочащийся из радио.

– Работа, – расплывчато отвечала Валя, хотя и сама не понимала, что происходит, поскольку за две недели ещё ни разу не попадала в ситуацию, чтобы Алиса позвонила ночью и велела срочно выезжать по адресу, прихватив конторский блокнот и карандаши.

– Уходить надо с такой работы, – хмыкал таксист, поглядывая на Валю через зеркало заднего вида, – Красивые девушки должны в это время спать, а не по подворотням шататься.

Валя бы охотно с ним согласилась, если бы ей не было любопытно.

Где-то такси всё же остановилось.

– Знаете, у меня уже года четыре никто наличкой не расплачивался, – сказал водитель, когда Валя протянула несколько смятых купюр.

Она не стала объяснять, что оплата наличными – это одно из конторских правил, которых было великое множество.

Валя вышла и обнаружила, что автомобиль протиснулся между мусорными баками и ступеньками подъезда, переговорив тротуар. Тихо шелестел сентябрьский дождь, а в жёлтом свете лампы под козырьком очерчивались два тёмных силуэта.

– Помощь точно не нужна? – уточнил водитель.

– Спасибо, нет. Это мои... коллеги.

Коллеги, то есть Илья и Димон на этот раз надели толстовки разного цвета, а ещё Валя начала различать их по мелким, зачастую неприметным деталям. Например, у Димона уже слегка седели виски. Илья же лысел на затылке. Ещё Димон предпочитал обычные сигареты, а Илья – электронки.

Сейчас Димон как раз докуривал, аккуратно зажав фильтр двумя пальцами. Дымок поднимался вертикально вверх и исчезал в чёрном небе. Валя остановилась возле них, не зная, что сказать. Братья тоже молчали. Такси исчезло где-то за поворотом, и вокруг ненадолго разлилась типичная пред-рассветная тишина, лёгкое забытие реальности, когда город ещё не проснулся, но уже чутко прислушивается к зарождающимся звукам ранних автомобилей, первых трамваев и троллейбусов, мусороуборочных машин и дворников. Белые

ночи закончились, но небо всё равно было не чёрным, как на югах, а бледно-серым, с редкими проблесками звезд.

– Разрыв поколений, это тихий апокалипсис, – сказал Димон негромко. – Не до всех сразу доходит. Вроде бы живешь обычной жизнью, ходишь на работу, пивас выпиваешь по вечерам, с девушкой симпатичной знакомишься, а потом обнаруживаешь, что границы закрыты, транспорт стоит, а вокруг твоего города или даже спального района бродят зомби. Я утрирую, конечно, но суть пытаюсь уяснить. Важны мелочи. Вот мне сорок, я курю сигарету, читаю газеты по утрам и люблю американо с горячим молоком. А вчера узнал, например, что новое поколение, как их там принято называть по-умному, зумеры что ли, или бэтеры, хрен разберешь... короче, это новое поколение, оказывается, не знает, что такое «сизый дым».

Димон посмотрел на Валю, будто ожидал от неё ответа.

– Я затянулся сигаретой и выпустил ноздрями сизый дым, – не дождавшись, он продолжил. – Это образ речи, характерная метафора, устоявшийся образ в языке. Моему поколению не нужно было объяснять про сизый дым, потому что все вокруг курили такие вот обычные сигареты. Даже без фильтра, чтоб горло драло. Хорошо это или плохо, не нам судить. Но факт в том, что новое поколение курит другие сигареты, где вместо дыма – пар. Или ещё какая-нибудь хрень. Сизого дыма нет, и он постепенно исчезает из культурного кода, оборота речи, вымывается из литературных описаний.

Знаешь, к чему это ведёт?

Валя промолчала, а Илья подмигнул ей, выпустив облако пара из рта, и сказал:

– Он не остановится, пока не изложит мысль до конца. Там, знаешь, сложная форма ОКР.

Димон докурил, потушил сигарету о бетонный выступ и щелчком пальца отправил окурок в темноту.

– Вместе с метафоричным смыслом исчезает ритуал, – продолжил он. – Конкретно в этом случае ритуал ожидания. Вот мы сейчас стоим здесь. Я достал сигарету, чиркнул спичкой, глубоко затянулся и задумчиво посмотрел на капли дождя, мельтешащие в свете одинокого фонаря. Сразу понятно, что я чего-то жду. Для моего поколения ожидание было нормой жизни. Мы крутились вокруг ритуала ожидания. Ставили метки в телепрограмме, прислушивались к звукам модема, гуляли по району, просматривали рекламу, и, вот, курили. Понимаешь, о чём я?

– Если честно, не очень, – призналась Валя. – Почему мы тут стоим? Нас же вызвали срочно, а мы не торопимся.

– Он подводит к мысли, что молодое поколение не умеет ждать. – сказал Илья. – Видишь, ты уже торопишься. А это важный навык, без которого сложно развиваться.

– Ещё важны детали, – сказал Димон. – Зачем человеку курить, если он не волнуется? Или, например, представь, ты смотришь на такого человека, а у него спички ломаются в руках одна за другой. Пальцы дрожат. Классная деталь. Зна-

чит волнуется сильно, о чем-то переживает. И вот он затягивается, пускает уголком губы сизый – подчеркиваю, сизый! – дым, и сразу понятно, что дела идут не очень хорошо. А? Твое поколение сможет так?

– Её поколение скоро забудет, что такое спички, – доверительно сообщил Илья. – Оно и к лучшему, спички детям не игрушки. Пусть лучше дымят паром, меньше мусора вокруг. Вон твой окурок теперь сто лет валяться будет, если его не уберет дворник.

– Окурок будет терпеливо ждать в кустах, и, возможно, разовьется до существа разумного, – парировал Димон.

Валю как накрыло две недели назад ощущением странной реальности, так и не отпускало. Каким боком в этом монологе взялось существо разумное? Это точно нормально?

– Сизый дым, – сказала она. – У меня дедушка курил самокрутки. Дым по кухне стелился, как туман. Сизый. Вонючка страшная от этого табака.

– С тобой не всё потеряно, – заметил Димон. – Или, вот, возьмём беляш. Вам не кажется, что он проиграл битву чебуреку?..

В этот момент запиликал домофон, отворилась металлическая дверь, и в щель протиснулась голова отца Григория.

– Ты снова жалуешься на апокалипсис? – спросил он, обращаясь к Димону. – Эх, не та мамка сделала аборт. Все трое, живо за мной. Валечка, душенька, блокнот и ручки захватила?

– Всё на месте, – она похлопала по сумочке, болтающейся на плече.

– А вы, охламоны, готовы?

– Всегда готовы, – отчеканил Илья, похлопав себя по карману куртки.

Отец Григорий распахнул дверь пошире, и все зашли внутрь подъезда. Тут не горело ни одной лампочки, свет исходил только от циферок лифта. Пространство будто сузилось и стало плотнее.

– По инструкции, выкрутили, – шепнул отец Григорий, странно подёргивая головой. – Ты не бойсь, всё контролируемо. Твоя задача какая, в курсе?

– Как и всегда, записывать всё происходящее.

– Ага, верно. И не проблюйся попервой.

То ли Илья, то ли Димом громко хмыкнули.

В маленький лифт набились плотно. Зажатая между трех мужчин, низенькая Валя почувствовала лёгкое клаустрофобное головокружение. Пока поднимались до нужного этажа, слово «проблюйся» успело подкатиться к горлу и осесть где-то в районе гортани.

– Молодое поколение ничего не понимает в ожидании, – вдруг повторил Димон. Он стоял ближе всех к выходу из лифта. – Как вам такая мысль: зумеры сначала утратили понимание времени, потом утратили ритуал выкуривания сигарет. Что дальше? Утратят смысл жизни. Потому что без ожидания нет смысла. Будут жить мгновением, вот и всё.

Эти слова почему-то сильно резонировали у Вали в душе.

– Это про меня. Живу одним днем, – пробормотала она.

– А я тебе скажу, почему.

Лифт замер на пятом этаже. Дверцы неторопливо разъехались, и в образовавшуюся щель вдруг ворвалась мужская рука с ножом и несколько раз резко полоснула Димона по лицу и шее. Валя почувствовала, что капли крови брызнули на губы. Димон дёрнулся, захрипел и завалился назад, обхватив горло руками.

– Каналья, – сухо сказал отец Григорий, всё ещё подёргивая головой.

Тут же началась суета.

Веру оттеснили в угол лифта. Рядом мелькнул Илья, на ходу вытаскивая из кармана коробочку, похожую на старый портсигар. Оглушительно громыхнуло, и у Вали на миг заложило уши. Лифт дёрнулся и накренился, свет бешено замигал. Валя видела только Димона, лежащего на спине и раскинувшего руки. На левом запястье под оттопыренным рукавом толстовки отчетливо проглядывалась темно-синяя татуировка: цифра «9». Кроссовки мелко дрожали, размазывая сгустки крови по полу. За дверцами лифта царил темнота, изредка перекрываемая вспышками, в которых мелькали силуэты. Кто-то хрипло крикнул:

– Вали суку!

– Держите, уходит!

Громыхнул то ли выстрел, то ли взрыв. В лифт ввалился

мужчина с развороченной грудью, из которой торчали куски рёбер и болтались рваные сосуды. Это был тот самый Иван Малинкин, которого Валя видела на записях. Серийный ма-
няк, попавшийся в медовую ловушку.

Хлестала кровь. Протянув в сторону Вали худую руку с переломанными пальцами, торчащими как гнилой частокол, он упал на колени, потом лицом вниз, как бы навалившись на Димона.

Тошнота поднялась к горлу, Валя зажала рот ладонью и застонала от ужаса. Из темноты показалось крючконосое лицо отца Григория.

– Чего сидишь, как мышь? – спросил он. – Живо сюда! Фиксировать надо!

Этот окрик привёл Валу в чувство, она подхватила блокнот с карандашом и на корточках поползла мимо тел к выходу. Коленки и ладони погрузились в кровь. Мёртвое лицо Димона в мигании лампы казалось не настоящим, а слеplенным из пластилина и по-дурачки разукрашенным в красное.

Снова что-то громыхнуло. Валя выкарабкалась, метнулась влево, прижалась к ледяной стене и вытаращилась в темноту. Сначала не видела ничего. Потом темнота отступила, вернее проявилась другая темнота, ещё более темная: она состояла из силуэтов и образов. Не разобрать кто где.

Дрожащие пальцы распахнули блокнот, зачерпнули несколько страниц, сжали карандаш. Отчаянно вглядываясь в разные слои темноты, Валя начала записывать. Как тогда, в

кухне у дальней родственницы, она позволила поступающей информации просачиваться сквозь неё и выливаться на кончике ручки. Главное, не забывать про почерк.

Нападавших двое. Мужчина и женщина. Подозреваемый... Оказал сопротивление при... Женщине – невозможно сколько – лет. Слой реальности не успел высохнуть... Шов, идентификационный номер 5678... Мелкий, незаштопан...

Неразборчивая возня закончилась коротким женским воплем. Где-то хлопнула дверь.

– Пойдём, – отец Григорий снова материализовался перед Валею и, схватив за запястье, протащил через слои темноты. – Записывай всё, что увидишь, поняла? Постарайся башку не включать, это сейчас не нужно. Не умничай, короче. Про меня чушь не пиши. Я, это, сам не свой становлюсь, когда вынюхиваю. Все и так знают.

Из темноты показалась обычная входная дверь с кривой дырой вместо замка и пятнами сажи вокруг ручки. Отец Григорий распахнул её, вошел в коридор и, отпустив Валею, заговорил:

– Что тут у нас? Обувница, пластиковая. Ботинки мужские кожаные. Ботинки мужские дерматиновые. Кроссовки мужские, реплика, желтого цвета. Без шнурков. Так. Дрянные обои в жирных пятнах. Записываешь?

Валея записывала.

Коридор был тускло освещен и завален бытовым мусором.

– Мешок мусорный, чёрный. Пованивает, – чеканил отец

Григорий, плавно двигаясь вперёд. В старческом теле проступила кошачья грация. – Мешок мусорный, синий. Четыре штуки. Один вспорот. Земля чёрная, корни. Черви.

Комья земли вывалились из мусорного мешка, укрыв линолеум коридора. Продолжая перечислять увиденное, отец Григорий присел на корточки, макнул кончики пальцев в грязь, обнюхал её и попробовал на вкус. Хмыкнув, он переместился в кухню.

На кухне в луже крови лежала девушка-хоннипот с развороченным в мясо лицом и вывернутыми руками. Вале снова сделалось дурно, хотя она и пыталась убедить себя, что это не человек, а какое-то другое существо, не чувствующее боли. Но как тут убедишь, когда в мельчайших подробностях разглядываешь – и записываешь! – слипшиеся от крови волосы, рассыпавшиеся по полу зубы, выломанные пальцы, глубокие царапины на бёдрах и шее...

– Идём, мыша, тут записывать нечего, не возбуждает, – безучастно произнёс отец Григорий и направился в комнату.

– Деревянный книжный шкаф. Ковёр с узором. Стены окрашены в зеленый. Капли крови. Телевизор настенный, «лыжы-смарт», тумбочка. В розетке блок питания со шнуром. Кошачий лоток, пустой. Два стула. Табуретка. На подоконнике пустая банка. Записываешь? Не бойсь, я ненадолго. – Отец Григорий вдруг упал на колени, упёрся руками в пол, выгнув спину и задрал голову к потолку. Его челюсти с силой раздвинулись, глаза закрылись. При этом отец Гри-

горий каким-то образом продолжал говорить. Звуки лились из распахнутого рта. – Свежая реальность. Седьмая по счёту. Заделана плохо, отслаивается. Уровень тления ноль, ноль девять. Стена юго-запад в тлении. Стена юг в тлении. Сквозь тление проглядываются силуэты жертв. Так, записываешь? Запечатано семь изнаночных образований. Сожраны. А, погоди, канцелярским языком: нанесены травмы, несовместимые с существованием...

Он говорил много чего ещё и Валя торопливо записывала, стараясь, по совету, не включать голову.

Комната в её представлении была обычная, никаких образований, слоев реальности и уровней тления. Но отцу Григорию виднее. Тем более, что зажатый в пальцах карандаш метался от края до края блокнота с невероятной скоростью.

Через пару минут отец Григорий захлопнул рот и сел. Косачья грация исчезла.

– Вот такие пироги, – буркнул он, глядя на Валу. – Записала? Хорошо держишься. Прошлая девочка, которая до тебя устраивалась, с ума сошла.

– То есть как?

– Обыкновенно. Я перед ней на коленки брякнулся, начал «принюхиваться», а она вместо того, чтобы всё записать, как заорёт. А потом ручку себе в руку воткнула. Думала, что проснётся. Не вышло. Пришлось в больничку сдавать, на неопределенный срок. Вот такие пироги.

Сквозь слои темноты возле Вали вырос Илья. В руке он

держал ту самую коробочку, похожую на портсигар.

– Всё вынюхал? – спросил он.

– Достаточно, чтобы передать в производство, – ответил отец Григорий. – Комар носа не подточит.

– Ага. Яков Кошкин говорит, что бабку надо на допрос отвезти. Хорошо хоть живой взяли. Наследили нормально.

– Ну, повезли тогда. Чего болтать? Опечатай тут, чтоб никто не совался, и помчали, – отец Григорий кивнул на Валю. – И это, мышу подзаряди, а то она на нервах вся. Пусть в себя приходит, бедолага.

Илья распахнул коробочку-портсигар, и Валя увидела, что внутри вместо сигарет лежат иглы разного размера. Выудив одну короткую, Илья взял Валину ладонь и ткнул острым концом в указательный палец. Боль выстрелила в затылок, потом переметнулась за зубы и затихла в уголке правого глаза

Валя мотнула головой, боясь расплескать всё, что могло из неё расплескаться. Ручка оторвалась от бумаги. Темнота сделалась однородной, рыхлой, с проблесками мигающего света. Короче, вернулась реальность. Та самая, родненькая, живая.

– По лестнице бегом, без вопросов, – Илья захлопнул странный коробок и убрал в задний карман. – А я всё запечатаю, пока швеи из Клуба не подъехали.

Преодолев расстояние от лифта к лестнице, Валя умудрилась два раза поскользнуться. Ноздри щипало от едкого запаха. Мысли лезли разные, страшные, как и образы: кровь, кишки... а дальше, как в известной поговорке.

Хлопнула дверь, отделяющая пролет от лестницы. Воздух сразу стал чище. На ступеньках сидел, прислонившись к стене затылком, мужик с огромным волосатым пузом и в разноцветных трусах, обтягивающих бёдра. С лицом у него творилось что-то жуткое, под кожей словно переплетались и ползали змеи, а из распахнутого рта вывалился длинный язык с жёлтым налетом.

– Не смотри, мыша. Это остаточное, – буркнул отец Григорий. – Само рассосётся к утру.

– Остаточное?

– Ага, шов между мирами ослаб и в разрыв просочились штампы, которыми наполнялись стены многоэтажки много лет. Если бы разрыв сохранился, этот мужик обрёл бы плоть, заселился в какую-нибудь квартиру и стал бы переделывать всё вокруг под себя. Это он с виду человек, а внутри биомасса из людских стереотипных мыслей. Поступает стереотипно, говорит стереотипно, живет, в общем, стереотипно. Не забивай голову, короче, а то вообще с ума сойдёшь.

И то верно.

Они выскочили на улицу, под мелкий прохладный дождь, от которого Вале стало легче, а чувство тошноты, наконец, отступило. У подъезда стояла припаркованная «Газель» с

фирменным логотипом АО «Росшвей» на боку. В салоне за рулём сидел Лёха из Конторы. Увидев Валу, он помахал ей рукой и заулыбался. Лёхе было лет тридцать пять, и, хотя он был, в общем-то, симпатичным, образованным и не пошлым, но совершенно Вале не нравился. Она сама не знала почему, но от его нелепых ухаживаний испытывала острое чувство неловкости.

– Все на месте? – из подъезда показался Илья.

За ним вышел Яков Кошкин, одетый в чёрный костюм с галстуком, будто он играл в фильме Тарантино про гангстеров. Костюм ему шёл. На плече Яков Кошкин нёс женщину в старом цветастом халате. Валя разглядела только фиолетовые бигуди и голые потрескавшиеся пятки жёлтого цвета.

А вот Димона никто не вынес. Он остался лежать в лифте с перерезанным горлом и какой-то очень важной мыслью про зумеров, так и оставшейся в его голове.

Лёгкая суета продолжилась. Лёха выскочил из машины и отодвинул боковую дверцу. Яков Кошкин легко заскочил внутрь вместе с женщиной на плече. Потом в темноте салона исчез Илья.

– Дамы вперёд, – склонил голову Лёха.

Он подал Вале руку, продолжая глупо лыбиться.

В салоне было темно, тесно и пахло жжёной резиной. Последним забрался отец Григорий. Дверца захлопнулась, автомобиль шумно затарахтел, задрожал и поехал неизвестно куда.

Привыкнув к полумраку, Валя осмотрелась. Яков Кошкин усадил женщину рядом с собой на пассажирское и положил руку ей на колено. Женщина оказалась бабушкой, на вид ей было лет восемьдесят. Она таращила глаза и беззвучно шевелила губами, словно силилась что-то сказать, но не могла. Лицом она напомнила Вале черепаху. Только глаза блестели, как две монетки.

«Газельку» тряхнуло.

– Это потому, что не передали за проезд, – осклабился отец Григорий.

Все остальные помалкивали.

Окна были затонированы так, что сквозь них просачивались только мутные бляшки фонарей. Валя бросила взгляд на часы на телефоне. Прошло всего двадцать пять минут с момента, как они с близнецами зашли в лифт, а как будто больше часа. Внезапно накатила такая сильная усталость, будто из тела вынули косточки и заменили их лебяжьим пухом. Мысли, до этого чёткие и быстрые, замедлились, как в полудрёме. Захотелось расплыться на дерматиновом сиденье и закрыть глаза. Похожее состояние было на протяжении пятого курса универа, когда приходилось не спать ночами и беспрерывно пить кофе. Валя поняла, что её сейчас может запросто вырубить, поэтому сосредоточилась на бабушке, детально разглядывая.

– Если на клетке слона прочтешь слово «буйвол», не верь глазам своим, – сказал отец Григорий.

– Что это означает?

– Что совы не те, кем кажутся. Ты не в контексте, что ли? Валя пожала плечами.

– Всё записала, мыша? – отец Григорий ухмыльнулся. – Хорошо держишься. Алиса будет довольна.

Ещё какое-то время ехали в тишине. Илья достал коробочку, вынул несколько иголок, долго разглядывал их, опасно приблизив к глазам. Валя почувствовала, как пульсирует укол на пальце.

В салоне сделалось душно, потом вдруг свежо. Видимо, заработал кондиционер. Окна запотели изнутри. Валю разморило окончательно и, возможно, она задремала. Или ей только показалось, что задремала, а на самом деле просто несколько раз медленно моргнула. В одно из таких морганий автомобиль остановился. Отец Григорий, кряхтя размялся и потянулся к двери. Мелкий дождь ворвался в салон.

На улице раскинулся широкий проспект, обрамленный жёлтыми фонарями, оградками и тёмной рекой слева. Справа тянулся бетонный забор, а за ним поднимался в ночное небо остов массивного здания. Это была не церковь, которые в Петербурге встречались на каждом ходу, но что-то не менее грандиозное и точно очень старое.

– «Красный Треугольник» – пояснил отец Григорий, перехватив её взгляд. – Бывший комплекс заводов, давно заброшенный. Атмосферное место, в нём ещё с девяностых годов хотели открыть обновленный Архив динамичных данных, но

не договорились. А сейчас внутри снимают фильмы и работают круглосуточные кафешки для хипстеров. Докатились.

– Что мы здесь делаем? – Валя выбралась под дождь, подставив разгоряченное лицо холодным каплям.

– Шагаем в допросную к господину Мусорщику. Прозвище у него такое. Тесно, зато атмосферно, и компания отличная. Когда я устроился в Контору, меня сюда распределили, к Мусорщику под бок на стажировку. Захожу, значит, в процедурный кабинет и вижу на каталке труп. Ботинки кверху торчат, а голова как будто вся волосами покрытая. Я испугался, стою и разглядываю. Тут появляется Мусорщик собственной персоной. Спрашивает, мол, чего я застыл. А я возьми и ляпни: «Понять не могу, труп у вас на спине или на животе лежит?». Мусорщик подошел к каталке, взялся за волосы и поднял голову, которая, оказывается, просто отделенная от тела лежала. Говорит: «Этот? Этот на спине». А там кровь капает, какие-то ошметки из шеи торчат. Я-то знаю, что мозги Мусорщик давно вытащил, но всё рано, зрелище, как в кино!

Отец Григорий сипло засмеялся, как смеются над тёплой ностальгической шуткой.

Между тем, из «Газельки» все выбрались, Лёха заглушил мотор и развалился в кабине, тупя в телефон. Яков Кошкин больше не нёс старушку на плече, но крепко держал её за руку. Вся эта странная компания направилась вдоль канала. На улице постепенно светало, ночь сменилась серостью,

над церковью неподалеку поднимались первые лучи солнца, окрасившие небо в лиловый.

Холодно будет, почему-то подумалось Вале.

Когда рассвет лиловый, к холоду.

Свернули в красную кирпичную арку, и там, пройдя метра три, остановились у стены. К стене, что примечательно, на высоте Валиного лба была приколочена на гвоздь маленькая металлическая табличка с полу затёртой надписью: «стучите». Так запросто её и не рассмотреть.

Отец Григорий постучал костяшками пальцев прямо по кирпичам.

Прошло минуты две, и в стене вдруг проступили прямоугольные очертания двери, словно кто-то выдавил её изнутри, как деталь конструктора, Дверь эта отворилась, выпуская наружу мягкий «больничный» свет и запахи лекарств, а также хмурое небритое лицо с сигаретой в уголке губы. Лицо сверкнуло странными глазами с вертикальными зрачками и сказало:

– Вы опоздали.

– Слегка нештатная ситуация, – сказал отец Григорий. – Зато нас меньше. На одного.

– Ага. Вижу. Чаю предлагать не буду, погода не располагает, но ноги, будьте любезны, вытирайте.

Лицо исчезло за дверью. Отец Григорий повернулся к Вале и прошептал:

– Держи наготове инструменты. Записывать придётся

много. И, это, не тушуйся, мыша.

Они пошли по узкому коридору. На стенах мигали редкие люминесцентные лампы. Откуда-то капало. Валя старалась не отставать от отца Григория.

Из коридора вышли в место, очень похожее на операционную в больнице. Только помещение было поменьше, потусклее и явно не такое стерильное: кафельная плитка места отвалилась, вдоль плинтусов виднелись подтеки и чёрные разводы плесени. Половину помещения занимала медицинская койка, окруженная разными непонятными штуковинами, скорее всего тоже медицинскими. На подносах лежали инструменты, по которым сразу стало понятно – они предназначены чтобы резать, пилить, дробить, крошить и, может быть, зашивать. Но это не точно.

Здесь Валя смогла нормально рассмотреть Мусорщика. Это был невысокий коренастый мужчина неопределенного возраста с короткой шеей, седыми усами и седыми же волосами. Одет он был в медицинский халат, который доходил ему до колен, открывая толстые волосатые ноги.

Затушив сигарету в литровой банке, внутри которой в желтой жиже плавало ещё с десятков бычков, Мусорщик небрежно выкатил в центр операционной стул и кивнул:

– Усаживайте. Привязывайте.

Пока возились со старушкой, Валя осторожно достала блокнот и сделала несколько заметок. Карандаш сам собой вывел несколько строк: «Любит копаться в мозгах... Самый

разыскиваемый... Двадцать шесть жертв с...»

Валя отвернулась, не дочитав, хотя рука вывела ещё несколько предложений.

Старушка не сопротивлялась, а только моргала и чавкала губами. Мусорщик, закулив по новой, сказал:

– Я у Алисы зафиксировал, но вам тоже обозначу. Значит, с меня допрос, а с вашей конторы добро. Списываем один труп. Документы передам, проследите, чтобы дошли до кого надо.

– Снова за старое? – ухмыльнулся отец Григорий.

– Я и не прекращал, дорогой. Получение удовольствия, это процесс непрерывный и, главное, постоянно развивающийся. Творческое дело.

– Мозги у живых людей извлекать, ага, творческое.

– Мой инструментарий разнообразен, а процессы извлечения совершенствуются, – парировал Мусорщик спокойным голосом. – Тебе ли не знать. К сожалению, неизменным остаётся только одно: люди без мозгов быстро становятся трупами. И это я не фигурально выражаюсь. Держи документы, дорогой.

Протянув отцу Григорию несколько сложенных бумажек, Мусорщик присел перед старушкой на корточки и задумчиво протянул:

– Та-ак, давайте посмотрим. Прикольный экземпляр. Где отловили?

– Там уже нету, – хихикнул отец Григорий. – Штучный

товар. Когда наткнулись, знатно офигели.

– Ага, штучный, ей лет двести пятьдесят, судя по кольцам морщин вокруг глаз. Нехило. Наверное, где-то в коммуналках скрывалась? Надо снова рапорт в Клуб подавать, чтоб дезинфекцию провели.

– О чём речь? – шепотом спросила Валя у стоящего рядом Ильи.

– Эта бабка ещё один штамп реальности, – ответил он. – Когда множество людей, оказавшихся в одном месте, во что-то очень сильно верят, то это «что-то» обретает реальность. Правда, есть нюанс. Рядом нужен прохудившийся шов, скрепляющий наш мир и его изнаночную сторону. Или хотя бы разрыв, который никто не замечал несколько лет. Людские грёзы просачиваются через разрыв и материализуются. Поняла? Во что верят люди? Люди верят в штампы. То есть все знают, что если где-то стоит обычная панельная многоэтажка, то в ней обязательно должна жить такая вот бабка в цветастом халате, с бигудями и фиолетовыми волосами. Даже если бабки на самом деле не существует, жители коллективным мышлением вылепливают её, интегрируют в нашу реальность и наделяют теми шаблонными чертами, которые считают достоверными для её образа. Чаще всего водятся в коммуналках, там ещё легче нафантазировать.

Валя мотнула головой. В голове не укладывалось.

– Вернемся с задания, попроси у Алисы доступ к обучающим материалам, – шепнул Илья. – Иначе с ума сойдешь

запоминать.

– Держите монетку! – неожиданно сказала старушка и заёрзала на стуле. – Она вам пригодится!

Мусорщик удивленно крикнул и оглянулся на остальных.

– Квалификацию знаете?

– Если бы знали, к тебе бы не пришли, – ответил отец Григорий.

– Монетку возьмёшь, красавец? – спросила старушка странным квакающим голосом. – Запечатать надо человека. Ежемесячный платёж. Биллинг. Иначе штраф!

– Начнём, – буркнул Мусорщик, взял со стола что-то похожее на ножницы, но с длинными тупыми концами, и склонился над старушкой, заглядывая в окосевшие глаза. Большим пальцем оттянул ей веко и с силой надавил на глаз. Глаз неожиданно закатился так, что остался только белок с сеточкой красных капилляров, веко со шлепком захлопнулось. Старушка тут же обмякла и откинулась на стуле, словно впадала в транс.

– Как тебя зовут? – спросил Мусорщик.

Валя раскрыла блокнот и начала записывать.

– Варвара Васильевна, – ответила старушка, подумав. Было видно, что глаз под закрытым веком закрутился. – Яблокова я.

– Ага. Возраст?

– Семьдесят шесть.

– Где родилась?

– Пемзенская область, деревня Градово.

– Пемзенская? – спросил шепотом Валя у Ильи. Тот молча мотнул головой, не отвлекаясь.

– Образование?

– Какое образование, милоч? На заводе с шести лет. Гармошки собирала на конвейере.

– Где проживаешь?

– Где придётся. То тут, то там.

– Как тебя люди называют?

Старушка сглотнула:

– Что, милоч?

– Кличут тебя как, бабушка? Управдомиха, комендантша, домовая, ведьма, повитуха, родненькая?

– А зачем тебе это, милый? Не ввязывайся, Христом богом говорю. Не нужно тебе этого. Отпусти старуху от греха подальше. Обоим хорошо будет. Я тебе монеточку, а ты мне ручки развяжешь, а? Запястья болят, перетянул, кожа содралась.

Мусорщик хищно улыбнулся:

– Сама не скажешь, бабушка, я клещами вырву. Давай похорошему, а то за каждый акт насилия мне придётся дополнительно объяснительную заполнять. А я волокиты не люблю.

Кончики ножниц приблизились к старушечьему веку и хищно клацнули. Валя вздрогнула от резкого звука.

– Соседка я! – сказала старушка негромко. – Типичная

соседка, ну. Прихожу, когда надо, выслушаю, сплетни собираю, делишки разные обсужу. То тут, то там.

– Какая у вас связь с Иваном Антоновичем Малинкиным?

– Да какая связь, родной... Мальчик, потерянный по жизни. Цели у него не было. Молодой, без перспектив. С родственниками не общался, одинокий, забитый, – старушка заёрзала снова. – А я что? Я соседка, подошла, помощь предложила.

– Какую помощь?

Старушка осеклась и выпучила на Мусорщика бесцветный глаз.

– Монеточку дала, родной.

– Монеточку, ага. А зачем?

– Помощи попросил. Я и не отказала.

– Расскажи, не томи. Что за помощь-то?

– Я... – старушка несколько раз шумно выдохнула, словно пыталась выдавить из себя слова. – Я договорчик подписала, милый. Не могу сказать вот так запросто. NDA, знаешь такое слово? Модное. Иначе...

– Что?

– Иначе... не могу и всё. Хоть режьте, не скажу! Помощь была, не отрицаю! Монеточку дала! Человечков Ванька запечатывал, аки боженька. находка для Интегратора!

На слове «Интегратор» карандаш в руке Вали вдруг с хрустом надломился, выводя в блокноте неразборчивые каракули.

– Ну резать, так резать, – буркнул Мусорщик. – Придётся информацию вскрывать. Только не ори, бабуля.

Отложив ножницы, он взял длинный нож с зазубринами и резко, с нажимом, воткнул его старушке под подбородок. Хлёстко брызнула струя крови, заставив Валю вскрикнуть от неожиданности.

– Уберите неженок, – буркнул Мусорщик, не оборачиваясь.

Старушка заелозила и захрипела. Мусорщик надавил на лезвие двумя руками и опустил его по шее, между ключиц, ломая кости и грудину, и ещё ниже, вплоть до живота. Как будто без видимых усилий.

В операционной резко стало жарко. Валя поняла, что вспотела на спине и в подмышках. Неподалеку в полумраке стоял Яков Кошкин, безэмоционально ковыряющийся в зубах спичкой.

Под вздрагивающими ногами старушки расплылась лужа крови. Мусорщик выдернул лезвие и сделал шаг назад.

Раздался методичный нарастающий звон, и Валя увидела, как на кафельный пол сыплются монетки. Много грязных окровавленных монеток. Вываливались они из испорченного тела старушки, образуя горку, как в старом мультфильме про антилопу и султана.

Сама старушка утратила человеческий облик и больше всего походила на куклу, кожа которой расплавилась от жары. Щеки вздулись волдырями, глаза затекли, рот скривился,

распоротый живот распахнулся двумя дрожащими складками.

– Она мертва? – спросила Валя.

Краем мысли отметила, что тошноты больше нет. Даже интерес какой-никакой проснулся. Непонятный.

– Она и не была никогда жива, – ответил Илья. – Штмп же. Квалификацию определили. «Соседка».

Поток монеток закончился. Валя не без любопытства разглядела, что вместо внутренностей у старушки ничего нет. Пустота, обрамленная костями в сеточке вен.

– Ну вот, теперь отчеты писать, – сказал Мусорщик, присев перед старушкой на корточки. – Как жизнь, соседка?

– Бывало и лучше, – глухо ответила старушка, елозя распухшими губами. – Чего надо, сосед?

– Ага, вспороли первый слой. Рассказывай, откуда взялась?

Старушка издала булькающий звук и сплюнула окровавленной монеткой, словно зубом. Ставший водянистым, вспученный глаз повернулся в глазнице и уставился на Мусорщика.

– Рассказываю, чего уж. Цветочный переулок, четырнадцать. В тридцать седьмом году, идентификация шва номер сто сорок. Штмп реальности в коммунальной квартире на втором этаже, с окнами во двор. Имя моё слишком известно, чтобы его произносить, пха. Зародилась у люльки, насосалась желаний, вымахала в Соседку. В гости ходила, пирожки

приносила, сплетни собирала. В лютый голод кормилась слухами. Потом дом снесли, построили панельку. Я там. Шов-то остался. Сколько таких швов по городу неприметных? Ваши детекторы не справляются, пха. Панелька, новая семья, я на этажах Соседка. То тут, то там. Слухи, сплетни, доносы, дни рождения, свадьбы. Свечку держала. В девяностые панельку снесли и многоэтажку поставили. Я в подвале схоронилась. Потом просочилась Соседкою снова. Люди не удивляются. Соседка есть всегда. Бабка старая, в бигуди, судачит, обо всех всё знает, в каждую квартиру пускают, пха. Только вот семейка странная поселилась. Тоже из другой реальности, но законные. Не я. Вкусностей не давали, прогоняли, как шавку. Злые. Я уж их обхаживала, обхаживала, а всё без толку. Так бы и тянулись... но потом ко мне пришли.

Старушка шмакнула губами, выплёвывая ещё одну влажную монетку. Сказала громко «Пха!». Валя же, словно очнувшись от транса, поняла, что ничего не записывает, и полезла в сумочку за новым карандашом.

– Продолжай, – велел Мусорщик, похлопав старушку ладонью по щеке.

– Молодые люди в пиджаках, красивые пришли. Офисные сотрудники. Представились работниками Интегратора. Пресейлы какие-то. Много слов наговорили, – старушка заёрзала. – Руки затекли, родной... Они знали, кто я такая. Отвели меня ко шву, предложили договорчик подписать. Я им работку выполняю, а они мне за это жизнь продлевают.

Моя-то личина изнашивается, видите? А они новую пообещали за работу. Новый слой. Ну я, простая душа, согласилась. Что там сложного? Монеточку даю, объясняю, как запечатывать, а потом люди сами всё делают. Монеточек у меня теперь много. Брюхо монеточек.

– И ты дала Ивану одну?

– Две, родной. Для той странной семейки. Чтоб не погоняли, как шавку. Он-то приёмыш. Брали для законности. Семейка в реальность просочилась, документы оформила, ребеночка взяла. А то ты не знаешь, как это делается, милый? У меня тоже паспорт был, ещё в шестьдесят шестом оформила. Ивану просто. У него цель в жизни появилась.

– Окей. Зачем нужно было запечатывать?

– Для Интегратора. План у них там какой-то, по зачистке. Я глупая старая женщина, мне подробности ни к чему. Сказали монетки передавать, я и передавала.

– И Иван начал других запечатывать?

– Верно, милый. Заходит за монеточкой, исчезает, потом возвращается по ночам с пленниками и прямо в квартире запечатывает. Люди из Интегратора приезжают – в пиджачках, модненькие – и дело доделывают, пха. Один раз видела, лучше бы глаза закрыла.

– И много у тебя таких, как Иван?

– Семеро, – отчеканила Старушка. – То тут, то там. Держу всех на учете. Тетрадка есть в квартире номер дэ, под матрасом. Всё записано.

Мусорщик полуобернулся и нашёл взглядом Илью:

– Зафиксировали? Чистосердечное про убийства. Плюс улики, надо будет изъять. И про организатора.

– Всё оформим, – кивнул Илья. – Чудно как-то в этот раз. Обычно штампы сопротивляются, незнанку включают.

– Что за Интегратор такой? Люди в пиджачках... – Мусорщик пожевал губами недокуренную сигарету. – И зачем им нужно убивать потусторонних, а потом ещё расчленять?

– Так много вопросов и так мало ответов, – хмыкнул отец Григорий.

Второй карандаш с хрустом сломался в Валиных пальцах. Она опустила взгляд и поняла, что последние несколько строчек в блокноте были исписаны одним повторяющимся словом: «Приветик вам. Приветик вам. Приветик вам».

– Одно забыла сказать, – Из губ старушки выползла ещё монетка, покрытая склизкой окровавленной жидкостью, и со звоном упала на пол. – Красавчики в пиджачках приходили недавно, девчонку забирали. Велели вам приветик передать. Говорят: так, старая, и сделай. А мы тебе приветик этот внутрь и положим. Скажи, что от Интегратора. Техническая служба передаёт.

В это же мгновение старушка резко выпрямилась на стуле, болтая распоротым животом. Большие руки с обрывками веревок на запястьях, метнулись к Мусорщику, схватили за голову и резко крутанули в сторону. Операционную прострелил звук ломающихся шейных позвонков, и Мусорщик

завалился на пол, словно разом лишился невидимого стержня в теле.

Старушка проворно вскочила, роняя монетки из распахнутого рта, сгребла с пола нож и метнула его в Илью. Лезвие с хрустом погрузилось в грудь. Илья охнул, падая на спину. Старушка же, вовсе утратившая человеческий облик и больше всего похожая на огромную окровавленную тушу животного, прыгнула на отца Григория.

– Етить! – только и успел вскрикнуть тот.

Складки распоротого живота распахнулись, погребая внутри себя отца Григория. Старушка заурчала, выплевывая монетки, густо покрытые окровавленной пеной, и повернулась к Вале. Водянистые глаза бешено вращались, губы хлопали друг о дружку. Из живота торчала скрюченная старческая кисть отца Григория. Припадая на левую ногу, чудовище направилось к Вале. В ноздри ударила резкая гнилая вонь, от которой Валу непроизвольно вывернуло прямо себе под ноги.

– То тут, то там, то так, то эдак, – сказала тварь, – Приветик и тебе тоже, милая. Запечатывают вас. Всех. Запечатывают. Планы-то выполнять надо!

Она вскинула огромные руки над головой. Запястья, перетянутые веревками, были в тёмно-фиолетовых разводах.

Валя закричала.

Откуда-то сбоку метнулась тень, рядом материализовался Яков Кошкин – по сравнению с тварью он казался невысоким

и чрезвычайно худым.

Коротко взмахнув рукой, Яков Кошкин отступил на шаг. На шее старушки проступила длинная тонкая полоса, мгновенно наполнившаяся кровью. Старушка удивленно моргнула единственным глазом, попыталась повернуться, но голова её отделилась от туловища и покатила по полу, громадная оставшимися бигуди. Тело несколько секунд стояло, пошатываясь, а потом рухнуло сначала на колени, а потом набок, шумно распахнув складки вспоротого живота. Из дымящегося нутра вывалился мёртвый отец Григорий, похожий на новорожденного младенца, с которого только что содрали кожу.

В операционной наступила тишина. Под потолком мигала лампа.

Ноги перестали слушаться, и Валя тихо осела на пол, уронив блокнот. Голова закружилась. Еще секунда – и сознание тоже выйдет вон. Перед глазами потемнело. Только отвратительные запахи настойчиво проникали в ноздри.

Сквозь застывшие глаза слёзы она разглядела Якова Кошкина, склонившегося над ней.

– С боевым крещением, – негромко сказал он, перекинул Валу через плечо, точно мешок, и вышел из операционной прочь.

#6

На улице уже расцвело.

Обводный канал блестел от луж, солнце дугой выглядывало из-за башенок «Красного Треугольника», по тротуару тянулись первые редкие прохожие.

Яков Кошкин отнёс Валею в лабиринты старого заводского комплекса, усадил за столик в неприметной кофейне и, обернувшись к молоденькой официантке, бросил:

– Лате самый большой и булочку с корицей.

Валю не могла унять дрожь, которая лилась изнутри тела и словно проступала сквозь каждую пору. Зубы клацали друг о дружку, пальцы выстукивали дробь на столешнице.

Яков Кошкин сказал:

– Умойся, выпей кофе и приходи в себя. Скоро буду. Ты сидишь здесь. Понятно?

От его негромкого спокойного голоса Валею и самой стало чуть спокойнее. Она кивнула. Яков Кошкин тоже кивнул и вышел.

В голове крутились тысячи мыслей одновременно. А ещё образы. Страшные, чудовищные, жуткие.

Все умерли. Остались лежать в операционной, среди крови, грязи и монеточек. Люди, к которым она едва успела привыкнуть.

Ничему не удивляющаяся официантка принесла лате и булочку. Валю не представляла, как запихнёт в рот хоть что-нибудь. Даже взяться за кружку было невероятно сложно.

Выдохнув, она отправилась в уборную. В зеркале, ярком от лучей солнца, скользивших через форточку, поймала

взглядом собственное изображение: капли крови, желтоватая полоска то ли гноя, то ли жира под нижней губой, кровавый отпечаток пальца на левой щеке.

Умылась быстро, задержав дыхание до тошноты. Вытерлась бумажным полотенцем, раздирая кожу. На улице смеялись. Звонко. Живые люди.

«Бросить всё к черту, – подумала она. – Сейчас же отправлюсь в офис и напишу заявление по собственному. Ну или как там делается. Алиса не будет против. Пусть только попробует!»

В ноздрях прочно засел кисловатый запах крови.

Валя умылась снова и вышла из туалета.

За её столиком кто-то сидел. Она не поверила сначала. Подошла ближе и уставилась, нелепо моргая.

Димон. Обнимал ладонями стакан с кофе. Толстовка заляпана подсохшей кровью.

Увидев Валю, кивнул на соседний стул.

– Американо с горячим молоком. Божественно, – сказал он, когда Валя села.

Димон совершенно точно не выглядел мёртвым. Раны не было видно, подтеков и царапин тоже. Вполне себе живой. Будто не валялся в лифте с перерезанным горлом прошедшей ночью.

– Я чего хотел сказать-то, – произнёс Димон как ни в чем не бывало. – В моём детстве мы ничего не знали об окружающем мире. Без интернета он был безгранично огромен и

ником не исследован. И мы бросались в его исследование с головой, прощупывали каждый незнакомый участок, набивали шишки, оступались, отступали и возвращались. Благодаря этому мы получали ценный опыт, который и позволил нам стать сильными. У вас такой привилегии нет. Вы с рождения думаете, что весь мир находится в телефоне. Вы можете погуглить любую информацию, заглянуть в каждый уголок земного шара, спросить ответы на любые вопросы. Вам кажется, что вы знаете всё, а, значит, у вас больше нет целей. Поэтому ты, Валентина, и живешь одним днём.

Димон широко улыбнулся и одним глотком опустошил половину стакана:

– Но у тебя теперь есть цель, получается.

– Ты как выжил? – спросила Валя.

– Это было не сложно. Но, значит, слушай по порядку. Первое, мы не бюрократы, не офисные крысы, не штабные работники. Наша Контора – это пехота. Отлавливаем потустороннюю нечисть, которая не то, чтобы хочет отлавливаться. Часто сопротивляется, как ты понимаешь. Наша головная организация, которую все называют Клубом Любителей Хоррора, пай-мальчики с иголками в карманах, которые всего лишь следят за тем, чтобы не расходились швы реальности. Обложили себя разными технически штуками, штопают разрывы, изучают архивы, общаются с богами. У них даже оружия нет. Поэтому, когда какая-нибудь тварина вдруг начинает убивать обычных людей, зовут нас. Если в кабине-

те номер сорок четыре появился майор Ранний, значит мы должны взяться за что-то кровавое, поганое, дурно пахнущее и, как правило, не очень законное. Снова и снова. Усекла?

Валя кивнула, разглядывая Димона.

– Не прожги во мне дырку, – буркнул он. – Теперь второе. Если захочешь свалить, никто тебя держать не будет. Подпишешь пару бумажек о неразглашении, и иди на все четыре стороны. Найдёшь себе применение в этом городе без проблем. Вон, кофе варить тоже кто-то должен. Или в офисе сидеть каким-нибудь ассистентом, директору расписание составлять. Но я бы советовал не спешить. У тебя дар, ты передаёшь на бумагу то, что нельзя услышать или увидеть. Транслятор. Я таких толковых ни разу не встречал. Спроси, «А зачем мне это?», и я дам ответ. Потому что только что в операционной Мусорщика ты однозначно поняла, насколько огромны и разнообразны реальности. Ты ни черта не знаешь об этом мире, и интернет тут не поможет. И теперь у тебя появилась цель – выяснить, что происходит.

– Как ты выжил? – повторила Валя.

– Третье, – Димон закатал рукав и показал татуировку на запястье. Валя готова была поклясться, что в лифте видела цифру «9», сейчас же там была набита тёмно-синяя «восьмерка», стилизованная под иероглиф. – Некий бонус за сложную и опасную работу. Мы, в некотором роде, бессмертные. Вернее, у каждого есть по одиннадцать жизней. Умерли

– ожили. Не стареем, не дряхлеем, не умираем. Иногда получаем прибавку, за выслугу лет или подвиги. Если беречь себя, можно прожить лет триста, как Яков Кошкин, например. Нормально?

– Нормально, – ответила Валя неуверенно. – Но я всё равно не...

– Ловить аномальных тварей или варить кофе, выбор за тобой, – Димон откинулся на спинке стула и снова широко улыбнулся. – Все профессии важны.

Валя посмотрела через витрину на улицу. Старый квартал бывшего завода заливали лучи осеннего солнца. Ноздрей коснулся запах кофе, вытесняя другой запах – смерти.

Пальцы больше не дрожали. Пришла лёгкая усталость, какая бывает после сильного стресса. А ведь ещё и не выпала...

– Мне тоже придётся отчеты заполнять? – спросила Валя.

– Обязательно, – ответил Димон. – Бюрократия неискоренима.

– А татуировка... я могу сама выбрать, где и в каком стиле её сделать?

Димон широко улыбнулся. Под подбородком, заметила Валя, медленно затягивался длинный тонкий шрам.

Она ещё не решила наверняка, что будет делать, как только допьёт латте и доест булочку с корицей, но совершенно точно хотела задать ещё миллион вопросов. Кажется, это и есть её цель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.